

АЛЕКСЕЙ АДУШЕВ (#АНВЕРН)

ГЛАЗА ВОЙНЫ

**НИКАКИХ "ПОПАДАНЦЕВ"
ТОЛЬКО КРОВЬ, БОЛЬ И ВОЙНА...**

Алексей Адушев (#Анверн)

Глаза войны

«Автор»

2023

Адушев (#Анверн) А.

Глаза войны / А. Адушев (#Анверн) — «Автор», 2023

Олег Ясенков – просто менеджер и историк любитель. Людвиг Бирхофф – немецкий пенсионер и ветеран вермахта. Их жизненные пути пересеклись. Немец даёт Олегу необычное кольцо и просит его ездить по местам страшных боёв, раскапывая останки погибших советских бойцов. Что ищет бывший солдат III Рейха? Что хочет узнать? Олег ещё не понимает во что ввязался, а немец не знает насколько опасен Олег. В этой истории – один получит всё, что хотел, а второго ждёт смерть. Есть вещи, о которых лучше никогда не просить русского человека...

© Адушев (#Анверн) А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	41
Глава 8	43
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алексей Адушев (#Анверн) Глаза войны

Ну что с того, что я там был.
Я был давно, я всё забыл.
Не помню дней, не помню дат.
И тех форсированных рек.
Я неопознанный солдат.
Я рядовой, я имярек.
Я меткой пули недолет.
Я лед кровавый в январе.
Я крепко впаян в этот лед.
Я в нём как мушка в янтаре.

Ну что с того, что я там был.
Я всё забыл. Я всё избыл.
Не помню дат, не помню дней,
названий вспомнить не могу.
Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня,
я бой на дальнем рубеже.
Я пламя вечного огня,
и пламя гильзы в блиндаже.

Ну что с того, что я там был.
В том грозном быть или не быть.
Я это всё почти забыл,
я это всё хочу забыть.
Я не участвую в войне,
война участвует во мне.
И пламя вечного огня
горит на скулах у меня.

Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от тех снегов, от той зимы.
И с той зимой, и с той землёй,
уже меня не разлучить.
До тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.

Юрий Левитанский.

Пролог

Сегодня я понял, что торопиться больше некуда. Уже физически не могу никуда идти и продолжать, то чем занимался последнее время. Странное чувство, с одной стороны – я почти сорокалетний, безработный неудачник, которого бросила жена, стоящий одной ногой в могиле (может уже и двумя). С другой – я наконец то почувствовал себя спокойным, почти счастливым.

Не успею закончить всё, что планировал. Пока есть силы, обязан написать или наговорить на диктофон то что видел, слышал, чувствовал за последний год. Не могу не рассказать, не имею такого права, ведь я им обещал... Самое сложное в этом деле, как и в любом другом, начать, потом как – то само пойдёт.

Трудно объяснить, как так случилось, что я – Олег Ясенков, ещё совсем недавно был мужем, другом, чьим – то соседом по лестничной площадке, был даже когда – то работником месяца, а несколько месяцев назад, понял, что всё это пыль и шелуха. Обрёл себя настоящего, раскапывая могилы, засыпанные окопы и обвалившиеся блиндажи, общаясь с мертвецами.

Будет трудно, но я попробую... С чего же это началось? Может с первого приезда в «Мясной бор» и первого «копа»? Или может с отрывка из книги этого немца? Нет. Всё началось немного раньше...

Глава 1

Если он прямо сейчас не заткнётся, то я его ударю и...уже не смогу остановиться. – Пронеслось у меня в голове, за секунды до того, как я начал избивать эти «сливки общества» и своих несостоявшихся коллег.

Лучше было бы встать из-за стола, взять за руку жену и молча уйти. Ещё разумнее было вообще сюда не приходить.

Первые полчаса застолья в фешенебельном московском ресторане «Гондольер» я пытался быть спокоен. Веселил себя мыслью, что ресторан для посиделок они выбрали удачно, в зале нет ни Венеции, ни атмосферы, даже ни одной гондолы, а вот гондольеров вокруг полно.

Находясь в окружении этих лоснящихся и самодовольных ублюдков, представлял, что я слесарь – ассенизатор и просто вынужден, по рабочей необходимости, терпеть дерьмо и как-то с ним работать. Не получилось...

Ассенизатору проще, он работает с обезличенной, молчаливой, пусть и вонючей субстанцией. В моём случае, дерьмо за столом разговаривало, пыталось острить, громко по – лошадиному смеялось, чавкало, хлюпало – втягивая в себя устрицы, тут же запивая пищу изысканным пойлом и снисходительно похлопывало меня по плечу.

Больнее всего было видеть, как блестят глаза у жены, смотреть, как она ловит каждое их слово, смеётся над их шутками, пытается стать для них своей, приобщится к «богеме». Думает, что наконец – то мы вышли в люди, поднялись по социальной лестнице. Я же, как только сюда зашёл и занял место за одним с ними столом – представил, как лечу вниз по лестнице эволюции. Физически ощущал, что чем дольше нахожусь в этой компании, тем сильнее начинаю смердеть, превращаться в такую же бездушную фекальную массу.

Это – не люди, просто аватары, всю жизнь носящие маски, под которыми одна лишь слизь. Вся их жизнь – позерство, нет никаких идеалов, нет нравственных табу, всё напускное, взятое у кого – то и надетое на себя, как плохо пошитый и подогнанный по фигуре костюм. Всё ради того, чтобы вот так – каждый день поглощать устрицы, пить дорогое вино, делать удачные снимки в городах и точках мира недостижимых для простых смертных, а потом снимать видео или писать об этом в свой блог. Вот и вся их «борьба с режимом». Любой ценой, быть, точнее казаться, не такими как остальная «безвольная масса», эти даже мать продадут, лишь бы возвыситься над окружающими.

Что же это за публика?

Имён многих из присутствующих я не запомнил, даже не старался. Для меня они все просто опарыши и крысы, распространяющие чуму. Себе, за последние без малого тридцать лет, они придумали много эпитетов: «совесть нации», «свободные люди», «настоящая русская интеллигенция» и прочие названия, которые для простого, работающего человека стали плотно ассоциироваться со словами – «крыса» и «коллаборант».

За этим столом не было самых одиозных морд, самые оголтелые, те кто давно на слуху – уже свалили за кордон, туда «где им дышится легче», где можно не бояться ощутить дыхание «товарища майора» и услышать щелчок наручников за спиной. Убежавшие успели обрасти недвижимостью и жирком за пределами «Мордора», им работодатели пообещали «корыто с хрючевом» на новом месте.

Здесь же остались совсем бесполезные или совсем бедные, по их меркам. За большим столом было пару блогеров – либерах, пару помощников бывшего главного редактора какого-то ультра – модного, в их тусовке, онлайн журнала (названия не помню, то ли «Сноб», то ли «Жлоб»), несколько начинающих инфо – цыган и прочие гендеры.

Были даже такие, кто у них находится на «испытательном сроке», кто «замарал» себя работой на государственные медиа и теперь очень обижен на власть, за отлучение от бюджетной кормушки. Из таких получаются самые отвратные «идейные борцы». Им вообще плевать по каким правилам и за какую команду играть, главное быть на виду и у корыта. Все за этим столом мечтали в ближайшее время доказать свою нужность и важность, тем кто свалил, надеялись получить гарантии сытой стабильности. Готового места для эмиграции пока у них не было, а менять локацию, бичевать где – то в Грузии или Прибалтике им не хотелось.

Господи, как я здесь оказался? Как докатился до этого?

Было бы мне лет двадцать, я бы кайфовал и восторгался от того, что меня – менеджера среднего звена и историка – любителя, по совместительству, удостоили вниманием такие серьёзные тёти и дяди. Я бы млеял от того, что на мою писанину обратили внимание. Мысли о собственной значимости ласкали самолюбие, а мечты о новых возможностях и грядущих заработках грели бы пустой карман.

Но мне давно не двадцать, в мою костную сформировавшуюся личность уже невозможно впихнуть их гнилую и однобокую картину мира. Даже за деньги и перспективы изменить свой семейный быт в лучшую сторону. Не умел, не хотел притворяться и мимикрировать в эту мерзкую среду. Пусть и дальше моим потолком будет летний отпуск в Турции и Крыму, готов и дальше сидеть у себя в подмосковной Балашихе, менять одну нелюбимую работу на другую и писать, время от времени, исторические статьи на военную тематику.

Историей самой масштабной и кровавой войны человечества интересовался с раннего юношества. Много читал, смотрел, изучал. Даже когда – то состоял в различных поисковых отрядах «Вахтах памяти» – аналог советских «Красных следопытов». Недостатки финансирования в поздние девяностые и ранние нулевые, как правило, рубили на корню раскопки и хорошие инициативы этих энтузиастов, делая коротким век таких движений.

В так называемые, «чёрные копатели» или «чёрные археологи» не подался. Когда были силы и время, рядом не оказалось таких же увлечённых единомышленников, а с незнакомыми и случайными людьми ехать «на коп» не хотелось. Позже – институт, работа, семья и другие более «нормальные», обычные для семейного человека увлечения закрыли для меня тему раскопок.

С детства имел очень неудобную для многих черту характера – желание докопаться до правды. Сейчас понимаю, что для каждого она своя, правда. Тем не менее, старался получить, добыть, изучить как можно больше информации, чтобы составить из этой мозаики свою правду, своё понимание. Кому – то, в юношестве, достаточно было прочесть героические повести Юрия Бондарева: «Горячий снег», «Батальоны просят огня», «Последние залпы» и ему хватало этого для своей картины о тяжёлом и героическом прошлом своих предков. Другим, достаточно было наткнуться на «Прокляты и убиты», чтобы впасть в шок и с пеной у рта бросаться цитатами из книги Астафьева, убеждая своего собеседника в том, что всё именно так и было – «проклятый совок завалил культурных арийцев трупами», ведь такой уважаемый писатель и фронтовик не может врать, не может быть просто обиженным на власть конъюнктурщиком.

Я никогда не бросался в крайности. Читал художественную литературу – «Лейтенантскую прозу» Бондарева, Воробьева, Симонова, Некрасова, Кондратьева. Читал и их противоположности – Астафьева, Никулина, Шумилина и многих других, не брезговал и немцами, воспоминаниями венгров, итальянцев, испанцев, бельгийцев и других сателлитов Рейха, пришедших в СССР убивать. Слушал интервью, ещё живых, фронтовиков, изучал изыскания историков и сухие безэмоциональные документы. Медленно, по кирпичику, сопоставлял данные, выстраивал свою картину этой войны.

Меня не полностью устраивали те картины, что предлагали советские источники, с цензурированными историками и послевоенными мемуарами генералов. Если недостаткам и белым

пятнам в советских книгах и документах я ещё мог найти объяснение, то к «рвотным массам», что полились в «эпоху гласности» на головы подрастающего поколения и людей, ещё не отошедших от развала Союза, не было никакого снисхождения. Дело Солженицына быстро обрело своих последователей.

Желание «открыть тёмному народу глаза на правду» моментально превратилось в неприкрытое глумление над прошлым. Грань между антисоветчиной и русофобией быстро стёрлась. Только в самом начале своей ублюдочной деятельности они старались как – то грамотно подкладывать бомбы под общественное мнение, пытались опираться на сомнительные документы, развинчивая мифы советской пропаганды. Потом решили не заморачиваться, открыли вентиль и пустили грязь потоком, не создавая даже видимости каких – то историка – журналистских расследований.

За три десятка лет эти твари испекли большой пирог из мерзких книг, статей, телепередач и густо полили его сверху соусом из таких же помойных фильмов, в которых пьяные «синие фуражки» с перекошенным лицом, гонят в атаку «штрафбаты и сволочей» и на эту вакханалию, с плотоядной улыбкой, сидя верхом на кремлёвской башне, смотрит рябой Сталин.

Тем мальчикам и девочкам, а также взрослым, кто слушал и смотрел эту блевотину раскрыв рот, «дети Солженицына» скормили по куску такого пирога, некоторым даже понравилось, добавки просили. Благо, что тяжёлое постсоветское время не вытравило у всех людей мозги и не только у меня аллергия на тухлые пироги.

И вот, когда мне стукнул четвёртый десяток, а дерьма «про войну» на книжных полках и в кино стало через край, решил, что мне есть, что сказать...

На лавры таких писателей – историков, как Замулин и Исаев, не претендовал, не было времени и возможностей, но вести исторический блог на «Дзене» и писать любительские статьи вполне мог. Чем и занялся.

Писал не для успеха и признания, писал, чтобы не молчать. Писал о чём мало говорили и освещали, поднимал темы специально «забытых» операций, наступлений и боёв местного значения. Выдвигал версии, задавал в статьях вопросы – себе, читателям и таким же неравнодушным к этой такой далёкой и такой близкой нам войне.

Не ожидал, что моя работа получит такой отклик и охват аудитории. Опубликованный мной материал попал в нужное время и место. Знакомый с детства образ советского солдата, будто сошедшего с кадров фронтового киноборника или правильного советского фильма, заместили – вытеснили образом затравленного, грязного скота, сжимающего трясущимися руками трёхлинейку, вжимающего голову в окоп, боясь получить пулю не от высокотехнологичных, профессиональных немцев, а в затылок от своих особистов.

Эти существа знали куда бить. Память о Великой Отечественной, память о жертве и подвиге – стала для нас почти религией, объединяющим фундаментом, почвой на которой стоит народ. Ведь, почти всё остальное у нас забрали. Отношение к войне, своим предкам и роли в этой войне нашей, когда – то, большой Родины стало лакмусовой бумажкой, индикатором – «свой – чужой».

Память эта, как наш последний щит, как македонская фаланга, круг в котором мы держим друг – друга за руку, чтобы не пропасть по одиночке в этом мире, съезжающем с катушек.

Креативные опарыши ещё в девяностые поняли, что тараном и с разбега им этот круг не разорвать. Они стали хитрее, начали медленно и монотонно разжимать наши пальцы, ослабляя хватку, выдёргивая нас по одному из круга, нанося мелкие, каждодневные ножевые удары по нашей памяти, с маниакальным упорством ковыряя своим жалом в раневом канале уставших душ.

Психопатия от диссонанса образа запечатлённого в детстве и того чем пичкают все сознательные годы, вызывала в людях такую усталость, что деда или прадеда, прошедшего эту страш-

ную мясорубку или погибшего в ней, потомки начали воспринимать, как миф, как предмет для спекуляций, а саму войну, как площадку для перепалок между патриотами и либералами.

Так что, отчасти, уроды, захотевшие искоренить добрую память о нашем прошлом решили свою задачу. Не полностью, но решили. Вымирание стариков – ветеранов лишь ускорило процесс. За всеми парадами, медалями, «Бессмертными полками» и вечным огнём, мы очень хотели видеть в советском солдате настоящего человека.

Человека выполняющего тяжёлую, грязную, необходимую и совсем не парадную работу. Человека, который отмораживал ноги в сыром окопе, по колено в ледяной жиже где – то на Волховском фронте, дышал пороховой гарью в одном из Севастопольских дотов, понимая, что успеет дать ещё один залп, до того, как к доту доползут немецкие сапёры. Мы хотели увидеть человека, что сгорел в танке летом сорок первого, где – то под Дубно, так и не успев сделать ни одного выстрела, только выехав на исходную. Человека, видевшего сотни смертей, проползшего на своём брюхе, за несколько лет, десятки километров, целуя землю под летящими над головой трассирующими от немецкого «МГ-42». Человека, который долетел, доехал, доплыл, дошёл, дополз до нацистского Рейха, и сидя у горящих развалин, перезарядив диск от «ППШ», очистив сапёрку от чужой крови и кишок, отдал свой индивидуальный пакет, консерву и последний сухарь – пробежавшему мимо ребёнку.

Меня читали, сначала тысячи, потом десятки, затем сотни тысяч. О моём взгляде на минувшие события и о моих статьях говорили, спорили, растаскивали их на разные сетевые ресурсы. Ещё, я видел, что если для одних – мои исторические разборы стали глотком воздуха и бальзамом на душу, то сторонникам Саши Солженицына я сильно наступил на крючковатый хвост и они под каждой статьёй плевали ядом в комментариях.

Но как бы статьи не были популярны, они всё ещё оставались гласом вопиющего в пустыне. В когда – то самой читающей стране в мире, всё меньше людей хотели читать. Чтобы получить ещё больший охват аудитории мне нужны были популярные видеохостинги. Так как с программами видеомонтажа я не дружил и не имел поставленного голоса, то пришлось найти одного из блогеров на «Ютубе». Он сразу, с охотой, согласился на симбиоз. Я писал тексты, он их озвучивал и монтировал видеоряд. Мы оба были в плюсе. Блогер счастлив от того, что подписчики канала стали расти, как на дрожжах, просмотры роликов превышали миллионы, а деньги за рекламу потекли на его счёт. Я же получил тот охват аудитории, который желал, меня услышали.

В процессе работы, я одновременно вместе с людьми открывал для себя ранее неизвестные страницы этой войны. В комментариях под роликами читал, что смотрят не только сами, но и вместе с детьми, что давало шанс спасти память о предках среди нового подрастающего поколения.

Но как известно, ничто не вечно под луной. Случился февраль 2022 года и «западные партнёры» занялись своим любимым делом, начали гадить, по-крупному и по мелочи. Практически сразу санкциями зацепило и наш «ютуб – симбиоз». Со всех российских каналов администрация видеохостинга сняла встроенную в ролики рекламу, и мой «партнёр» быстро загрустил. Без доходов, которые приносил канал ему стало не интересно им заниматься, озвучивать тексты и монтировать ролики. Материала у меня было много, но ему было уже не надо. Вместо патриотического контента, он стал снимать видео о том куда бы быстрее эмигрировать из «этой обречённой страны», как грамотно вложить заработанные на «ютубе» деньги в турецкую недвижимость и тому подобное.

В этот момент я оказался на перепутье, решал, как продолжать своё дело и каким путём идти. Думал о поиске нового блогера – партнёра или как освоить самому монтаж видео и открыть с нуля свой канал.

Когда был близок к решению, зарегистрировал на хостинге канал и всю изучал видео редактор, обнаружил, что на семейном фронте всё стало совсем плохо. Фронт если и не был прорван на всю оперативную глубину, то определённо трещал по швам.

Последние годы всё было и так не особо радужно. Общались с женой всё меньше, да и полноценным общением это вряд ли можно назвать, так, бытовуха. В жизни любой семьи, где обоим уже далеко за двадцать, наступает определённый этап, когда вы знаете друг о друге почти всё, видели свою половину во всех настроениях, адекватных и не очень состояниях. Момент, когда вы друг для друга – давно не тайна, а играть на эмоциях и трепать себе нервы нет никакого желания, то вы упираетесь в стену. Для того, чтобы пробить эту стену я видел два варианта.

Первый – как можно быстрее стать мамой и папой. Родить ребёнка, наполнить жизнь приятными заботами, детским смехом и общей целью, тем самым укрепить нашу истончившуюся с Ирой связь. К сожалению, сколько бы мы не работали в этом направлении, результата пока не было. Мои анализы были в норме, её, увы, нет. Единственным для нас выходом было – ЭКО. Первая попытка была неудачной, что ещё больше усугубило микроклимат в семье и вогнало жену в депрессию. Я ей говорил, что всё обязательно получится, а Ира кричала, что её репродуктивная функция ни к чёрту и она пустой сосуд.

Пока вытаскивал жену из депрессии, не заметил, как сам впал в хандру, провалился как в спячку, только наяву. Ира сказала, что ей нужно время, не будет торопиться и ещё раз тратить деньги на процедуру – без гарантии результата, поэтому встанет в очередь на повторное ЭКО и будет ждать бесплатную квоту. Я не давил, всё понимал.

Если первый вариант по пробиванию семейных стен был под вопросом, то со вторым я напортачил. Активизировать семейную жизнь не получалось. Да, время от времени мы, как и раньше, ходили по гостям и кабакам, но большую часть жизни проводили в «дне сурка». Наше утро – быстрый кофе и сборы на работу, в впопыхах и молча, а наш вечер – два уставших человека, уткнувшиеся каждый в свой телефон.

Мы как-то пытались заполнить пустоту между нами, каждый по-своему. Ира пыталась заместить неполноценность нашей семьи идеей материального благополучия и интересного семейного досуга, а я ушёл с головой в своё увлечение, которое уже давно стало чем – то гораздо большим, стало целью, миссией.

Ира ждала меня в нашей постели, а я был где – то под Ржевом, изучал скан – копию трофейной немецкой карты, искал привязки и ориентиры на местности для статьи. Жена с нетерпением ждала нового концерта «Zivert», а я ждал, когда человек пришлёт мне сохранившиеся, рукописные, ранее нигде не опубликованные, воспоминания своего прадеда о боях под Вязьмой.

Ира с подружкой решили стать промоутерами какой – то «хенд – мейд» косметики, изучала как продвигать её через «Ozon» и другие маркетплейсы, а я изучал последние дни агонии 2-ой ударной армии, уже после того, как Власов свалил и сдался в плен, а разрозненные группы, которые, когда – то были дивизиями и полками его армии, продолжали захлёбываться в крови и гнить в болотах.

По выходным у телевизора, жену интересовало кто же выйдет в финал шоу «Танцы», а меня интересовала судьба того человека, кто нацарапал в июле сорок первого на стене в Брестской крепости, в районе Белостокских ворот слова, которые сейчас знают на всём постсоветском пространстве: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина!».

Действительно ли их написал рядовой 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД – Фёдор Рябов? Может кто – то другой? Какова судьба этого человека, выжил или погиб в те же дни? Может сгинул в одном из немецких Шталагов – Дулагов?

На работе тоже всё постепенно стало до – лампочки, мысленно уже давно послал начальство в задницу с их показателями эффективности и КРІ. Ни раз выполнял все планы и бил все

их планки, но ни разу не стал ощутимо богаче, только планка поднималась всё выше и выше. Пусть молодые играют в эти бесконечные игры – ослика, бегущего за морковкой, и белки, что умерла в колесе.

Найдя небольшую подработку с косметикой, Ира всё чаще стала намекать на то, что я занимаюсь никому не нужным делом и пишу о том, что давным-давно написано, известно и разложено по полочкам до меня.

Жена стала считать меня фанатиком, я стал считать её недалёкой. Оказывается, после десятка лет совместной жизни мы всё-таки умудрились открыть себя по-новому, в глазах партнёра.

Когда взаимное раздражение стало нарастать в геометрической прогрессии и наш семейный поезд на всех парах летел в тупик...

На мою электронную почту пришло это письмо.

Письмо первыми строчками напоминало стандартную спам – рассылку и вызывало естественную реакцию – сразу удалить, но что – то заставило вчитаться в текст:

«Добрый день, Олег Иванович.

Спешу сделать предложение, от которого, очень надеюсь, вы не сможете отказаться.

Я и мои коллеги не первый месяц следим за вашими публикациями на различных интернет – ресурсах. Сказать, что находимся под впечатлением – ничего не сказать. На наш взгляд, в своих работах вы очень умело совмещаете точные исторические данные с эмоциональным накалом и слогом лучших представителей жанра военной прозы.

Ирония жизни, Олег Иванович, в её несправедливости, жертвой которой вы стали. К счастью, в наших силах и возможностях изменить данную несправедливость. Считаем, что человек с вашим талантом и подходом не должен публиковаться на местечковых площадках и ресурсах с низким трафиком посещений. Ваш уровень требует более солидных платформ.

Как известно, в таком деле, как публицистика, самостоятельность хороша до определённого момента. По-настоящему массовые и популярные вещи создаются с помощью системного подхода. Историческое просвещение – не исключение.

Мы готовы обеспечить такой подход, готовы дать вам возможность публиковаться в ведущих интернет – изданиях, а также в периодических печатных изданиях страны. А как вы относитесь к тому, чтобы вести свою еженедельную рубрику на популярной радиостанции? Ваше имя, Олег Иванович, станет известным, а самое главное – ваши работы услышат и прочитают миллионы людей.

На всех этапах у вас будет полная поддержка сплочённого коллектива профессионалов из области литературы, истории, журналистики и современной публицистики.

Уверены, что сейчас у вас сложилось впечатление, что данное письмо ничто иное, как очередное коммерческое предложение или новая разновидность агентского договора по рекламе и продвижению. Наверняка, в голове крутится вопрос: «Сколько это стоит?»

Наш ответ – нисколько. Все расходы и организационные издержки берём на себя.

Настоящее предложение нужно расценивать исключительно, как сотрудничество. Даже большие – как предложение трудоустройства, где вы

уже прошли все собеседования и формальности, а комфортное, оборудованное всем необходимым рабочее место забронировано за вами.

Да, не удивляйтесь, мы понимаем, что для полноценной деятельности вам нужно время и денежные средства, поэтому готовы предложить вам полную занятость и достойную оплату вашего труда. Поверьте, цифры вас приятно удивят (подробнее о размере вашего оклада поговорим при личной встрече, которая, надеемся, состоится в ближайшее время).

Также, помимо всего вышеуказанного, готовы предоставить вам ресурсы, которыми может похвастать далеко не каждый историк – любитель.

Прежде всего мы имеем ввиду доступ к различным архивам, документам и редким книгам. Даже в этой части работы мы гарантируем для вас максимально удобные условия. Вам нужно лишь сообщить своему индивидуальному консультанту: характер документа, временной период и другие предполагаемые детали. Ваш помощник сам запишет вас в нужный архив, сообщит дату посещения, либо найдёт человека, у которого есть возможности и необходимый допуск.

По согласованию с вами, нужный документ будет отсканирован, сфотографирован или из него будет сделана выписка, с интересующей вас информацией.

Также, мы уверены, что многие необходимые документы и данные для вашей работы уже есть в нашем распоряжении. Будут и в вашем. Нужно лишь ваше согласие и желание работать.

Если данное письмо всё ещё не развеяло ваши сомнения и скепсис, то с удовольствием сделаю это лично в телефонном разговоре (мои контакты будут указаны ниже).

С уважением, Сергей Суфле

Фонд исторического наследия «Логос».

Когда дочитал письмо, почувствовал, что испытываю нервное возбуждение и улыбаюсь, глядя в экран ноутбука, как дурак.

Да уж, Олежа, такой большой, а в сказки веришь. Как в басне Крылова, чуть польстили, красиво проехали по ушам, а у меня, как у той вороны, уже сыр валится из клюва.

Не может быть всё так гладко, в чём-то обязательно есть подвох. Только вот в чём? Попросят сделать первый «членский взнос» в их фонд? Вроде слишком примитивно. Может действительно будут публиковать и просто набирают авторов на свои сайты, чтобы зарабатывать на трафике и рекламе, а все их обещания пустой треп?

Ладно, какой смысл ломать голову, интернет знает и помнит многое, нужно поискать информацию об этом фонде, прежде чем делать выводы. После сёрфинга по сайтам и работы с поисковиком, решил дать прочесть письмо жене, было интересно её мнение.

Ира читала молча, вдумчиво. Дочитав до конца, отматывала текст вверх, видимо перечитывала определенные моменты.

Вместо того, чтобы высказать своё мнение, задала вопрос – Сам то, что думаешь?

– Думаю, почему этого мужика зовут Сергей Суфле, а не Сергей Пряник или, например, Халва? Уж больно сладко поют, сомнительно это всё.

– Ясенков, давай выключай своего старого нигилиста, не нуди, а лови удачу за хвост. – с трудом скрывая раздражение, фыркнула Ира.

– Не разделяю твоего оптимизма, Ир... Боюсь замарать руки об хвост этот, потом дерьмом будут пахнуть.

– Ты им звонил уже? – по её нетерпеливому тону стало ясно, что готова сама им позвонить и сдать мужа в рабство кому угодно и в качестве кого угодно, хоть рерайтером, хоть литературным негром.

– Не звонил пока, решил сначала «погуглить» эту контору.

– Ну и чего «нагуглил»? Только не говори, что они торгуют бадами и китайским чаем, колл-центр находится где – то в подвале, а пишут с плавающего IP адреса или домен их сайта зарегистрирован в Бангладеш. Угадала, Ясенков? Уже придумал отмазку, чтобы не звонить, не напрягаться? – Ира надула губы, превратив красивое лицо в пренебрежительную моську. Сделал вид, что не заметил сарказма. За десять лет я знал все её «ужимки и прыжки», сегодня настроена на скандал, будет стараться вывезти меня на эмоции. Не буду помогать, пусть бесится от моего напускного спокойствия.

– Да не, ничего такого, Ир. Никакой крамолы не нарыл, наоборот, с виду всё прилично. Юридическое лицо зарегистрировано давно, солидный уставной капитал, даже вроде гранты выигрывают и каким – то боком к Минкульту подвязаны.

– Ну вот, видишь! Чего тебе ещё надо? Наконец – то тебе предлагают заниматься тем, что ты и так делаешь, только не за комментарии и лайки под текстом, а за деньги! Может месяцы твоего невнимания ко мне и высиживания геморроя перед ноутбуком по ночам, хотя бы частично окупятся. Звони быстрее!

– Уже поздно, взгляни на часы. Завтра позвоню.

– Не позвонишь или наврёшь, что звонил.

– Позвоню, Ир. Обещаю.

В ту ночь сон ко мне долго не шёл. Думал о предложении и людях, которые мне его сделали, и не находил ни одной причины, почему бы я мог им поверить.

В последнее время, модно или, как говорится, в тренде – мыслить позитивно, утверждают, что мысли материальны и формируют нашу реальность. Трудно мыслить позитивно в мире, где каждый день тысячи людей думают, как друг друга кинуть или продать другому что – то ненужное.

Несмотря на это, в нас всё ещё живёт вера в людей, как у ребёнка в Деда Мороза.

Сдержал обещание, позвонил.

После набора стационарного контактного номера, указанного в письме, секретарь довольно быстро соединила меня с Серёжей Суфле.

Голос этого типа был таким же приторным, как и его фамилия. Из короткой беседы с ним, понял, что сам он ничего не решает, он вроде менеджера, не больше. Его попросили написать письмо, он исполнил, накатал и отправил по указанному адресу. Тем не менее, на аферу и кидок всё это было не похоже.

Суфле сказал, что всё указанное в письме – истина, без малейших преувеличений. Дальше, он по привычке, попытался по телефону выгодно презентовать свою контору и понёс рекламно – буклетный трёп, о том, что их фонд запускает беспрецедентный, масштабный проект, по предоставлению площадки для работы новых авторов. Их цель в том, что никто не забыт, ничто не забыто, а без понимания прошлого, у страны нет будущего и бла, бла, бла... Всё это, конечно, хорошо и правильно, только из его уст звучало неестественно, как заученная речёвка – слоган.

Суть разговора свелась к тому, что данным направлением руководит и координирует поиск авторов – некто Геннадий Павлович Карпенко и все детали работы, условий и оплаты, он обговаривает с новыми авторами индивидуально.

И конечно же, Суфле безмерно рад мне сообщить, что я приглашён к Карпенко на встречу или творческий вечер, как у них принято говорить.

Вечер состоится в эту среду в ресторане «Гондольер». Я внесён в списки, место за столом также зарезервировано ещё на одного человека, которого могу взять с собой, по желанию.

«Приходите с женой, спутницей или спутником». – Суфле так и сказал. При слове – «спутником» меня аж передёрнуло, сразу поставил мысленно минус этой конторе. Также насторожила их самоуверенность. Они заранее были уверены в том, что приду, не откажусь. Хотя, про индивидуальное приглашение и списки, скорее всего просто апломб. Не я приду, так другие, наверняка, подобное письмо было отправлено не только мне.

В главном они были правы, я согласился.

Жена отнеслась к предстоящему мероприятию более ответственно, чем я. Отпросилась с работы, настояла, чтобы и я взял отгул. В среду, за несколько часов до встречи, порхала по квартире в наушниках, напевая «Лети пташка», всем своим видом излучая оптимизм и предвкушение.

– Ясенков, ты чего такой мрачный? Выбрал пиджак, рубашку и туфли в которых пойдешь? Только умоляю – не надевай то, что таскаешь каждый день, должен выглядеть презентабельно. – сказала она, перебирая платья в гардеробе.

– Ир, мы не на вручение Пулитцеровской премии едем, деловая встреча, вроде, не показуха.

– Перестань, не веди себя, как недоросль, будто первый день живёшь! Как себя презентуешь, так тебя и оценят, столько и будут платить.

– Ну так может мне твои чулки в сеточку одеть, чтобы выглядеть сексуальней? Как думаешь, они будут обращать внимание на крепкие зубы и ноги, как работоторговцы на невольничьем рынке?

– Чего...? Ой, всё, не начинай! Одевайся как хочешь, побриться только не забудь.

Ира перестала напевать песенки, ушла наводить марафет и собираться молча, а я не стал добивать её фразой, о том, что деньги не главное.

Пока ехали в такси жена продолжала давать мне «ценные указания» и «полезные советы» о том, как себя вести, как не надо шутить с солидными людьми и вообще, что делать чтобы ей не было за меня стыдно. Мягко закрыл эту тему аргументом, что мне очень жаль наблюдать как она десять лет живёт и мучается с идиотом, которого надо всему учить. Помогло, замолчала.

Если предвкушение и ожидания Иры от антуража и солидности мероприятия оправдались, то я сразу же понял, как жестоко просчитался. Дело даже не в том, что сидящие за этим большим столом больше напоминали разодетые манекены московского ЦУМа или ГУМа, чем людей, а я в своём пиджаке – «made in China» и Ира в платье с «Wildberries» не вписывались в эту компанию. Дело в том, что пафос ресторана и дорогие шмотки не скрывали, а лишь ярче подчёркивали суть сидящих за столом. Все мои шутки про невольничий рынок, вдруг, оказались правдой.

Ира пока ничего не понимала, как Алиса в Зазеркалье, открыв рот восхищённо рассматривала окружение и все эти рожи из околосветской и блогерской тусовки. Пыталась свыкнуться с мыслью, как она – простой бухгалтер из Балашихи оказалась на званном ужине у «селебрити».

Во главе стола сидел, тот самый, Гена Карпенко. Судя по тому, как остальные заглядывали ему в рот, он пользовался глубоким пиететом, занимая высокое место в градации этих червей. Внешне я его узнал, мелькал в интернете, ходили слухи, что его щекотал бородой сам Винидиктов, оттого, наверное, и легендарный статус в этом «террариуме».

Вся эта закомплексованная кодла, привыкшая лебезить перед деньгами и статусами, очень любит помыкать и вести себя по-хамски перед теми, кто, по их мнению, им не ровня. Мерить они привыкли деньгами и поэтому я с женой автоматически подпадал под категорию «унтерменшей». С другой стороны, хорошо, что не стали расшаркиваться и делать хорошую мину при плохой игре, сразу показали всё своё снисходительное пренебрежение к таким как мы.

Ковыряя в зубах зубочисткой Карпенко сказал – Давай, Олег, обойдёмся без прелюдий и взаимных ласк, сразу о деле. Всё что было в нашем послании – правда, полагаю доказывать ничего не нужно. У нас есть возможности, финансирование и ресурсы. Будем тебя публиковать на самых видных и читаемых площадках, а если хорошо пойдёт, то и тиражом издадим, поверь, за этим дело не встанет.

Пишешь ты хорошо, обстоятельно, доходчиво, нечего сказать. Только пишешь не о том и не так. Вот скажи, кому нужна вся эта – «правда»? – Карпенко ухмыльнулся и показал пальцами зайчика – кавычки. – Кому нужна вся эта совковая героизация? Мы кого, Олег, хотим воспитать? Ещё одно поколение – «Можем повторить»?

Я вот думаю хватит! Такими темпами, Олег, мы только новые гробы получим, а не построим успешную страну. Ты же умный мужик, сам видишь, что в мире творится. С этим имперским гонором мы в полной изоляции от мира! – пока Карпенко распался, кайфуя от своего монолога, вся придворная тусовка, как китайские болванчики кивали гривой, потягивая брют. Он же продолжал – Старые авторы и соратники делавшие нужное, важное дело себя изжили, исписались. С молодёжью нужно работать, говорить с ними на понятном им языке. Ты пойми, Олег, ведь система, как гидра и она не стоит на месте, какие-то «разговоры о важном» в школах начали проводить, того и гляди Александра Исаевича, других классиков и апологетов из программы уберут.

Только представь в какой мрак мы катимся? Мне нужен человек, что излечит эту болезнь в умах, тех кого мы ещё не потеряли и не даст заразиться другим.

– И, что, Гена, раз мы так по-панибратски, ты хочешь? Мне новую «Зулейху» написать и рассказать, как она закатывала глаза?

– Нет, не утрируй, Олег, я хочу свежего взгляда на старые темы, то чем ты собственно и занимаешься последнее время. Только вода должна падать не на мельницу тех, кто «может повторить», твоя вода должна тушить пожар империалистического угара.

Вот смотри, чтобы ты понял, так на вскидку, несколько тем. Можно поднять и осветить по-новому тему Катыни, мы тебе и материал подкинем и документы, на которые сослаться, тут не переживай, состряпаем так, что будет не подкопаться.

Интересно можно подать и развернуть тему тупого и кровавого сталинского воздушного десанта через Днепр, осенью сорок третьего. Также, своего часа и твоего таланта ждёт статья о тридцать третьей армии Ефремова. Нужно написать пылко, с чувством, с негодованием, как умеешь. Провести параллель со второй ударной Власова, доказать читателю, что всё это не случайность, а система. Подвести к такому выводу, что никакие силы немцев армия Ефремова не сковывала, никакого мужества не было и в помине, в армии царили упаднические настроения, имели место постоянные случаи перехода целых частей к немцам, прямой саботаж и нежелание воевать. Всему виной, естественно, преступная тупость Жукова и вертикаль, выстроенная Сталиным. Можешь же такое навалить? Думаю, вполне!

Под девятое мая нужно накатать большой материал, раздуть тему про Валаам. Пусть те, кто носятся с этими деревянными палками, картинками и своим «Бессмертным полком» утрутся и почитают, как их любимый и справедливый совок сплавлял ветеранов – калек подыхать на далёкий и почти безлюдный остров. Ну ты понял меня, да? С нашей стороны, как ранее говорили, все условия и достойная оплата труда.

Ну так, когда приступишь? – тварь в человеческом обличье закончила свой монолог и посчитав, что дело сделано отвернулась от меня и стала зубоскалить с каким – то маленьким, похожим на хорька типом, что сидел по правую от него руку.

Я ошибся в том, что сюда пришёл, они ошиблись, когда решили, что я им принадлежу, а их деньги и медийные морды что – то для меня значат. Вся эта сволочь смотрела на меня своими пустыми рыбьими глазами, улыбались и не понимали, что каждое слово этого Карпенко

для меня, как гвоздём по стеклу. Я почувствовал, как зашумело в ушах, как кровь прильнула к лицу, а кулаки стали сжиматься сами по себе.

В этот момент Карпенко повернул свою самодовольную рожу ко мне и повторил вопрос – Ну так, когда приступишь, Олег?

– Никогда.

– Не понял... – Карпенко немного изменил выражение того что называлось лицом, но мерзкая ухмылка осталась на месте.

– Всё ты понял, Геннадий... Тридцать серебряников себе оставь или прибереги для другого Иуды. – процедил я сквозь зубы.

– Нет, Олег Иванович, это ты не понял. Моё предложение не предполагает отказов и капризов. Может цену себе набиваешь? Так не смейся, она мне известна! Будешь пыжиться, то оклад твой будет только падать. Подозреваю, тебе знакомо такое актуальное и прогрессивное понятие, как «культура отмены»? Учти, оттолкнёшь протянутую мной руку, и я тебя «отменю». Тебя не опубликуют больше нигде и никогда, даже в «Балашихинском вестнике», если такой вообще есть.

– Геннадий Павлович, да чёрт с ним, пусть катится, на то оно и быдло, не ценить возможности – их вечная трагедия и крест. – прошипела маленькая гиена, похожая на хорька, сидевшая по правую руку от Карпенко.

– Здесь я решаю кто и куда катится и с какой скоростью! Я никуда не отпускал эту кремлёвскую мурзилку! – рявкнул Карпенко, достаточно громко, чтобы его услышала моя жена и поняла – вечер перестает быть томным. До этого она сидела на другом конце стола в окружении женщин, чьи высокие каблуки контрастировали с низкой социальной ответственностью. Ира беззаботно щебетала, отвечала на расспросы о своей косметике и наряде, воспринимая их язвительный стёб за дружелюбность. Только сейчас она стала прислушиваться к тому, что происходит между мной и Карпенко, и выражение её лица становилось всё более растерянным, обеспокоенным.

Хозяин «творческого вечера» окончательно отбросил все приличия и манеры, на пол полетела и маска доброжелательности, теперь он представлял себя плантатором, наказывающим дерзкого негра. – Так вот, Олег, даю тебе последний шанс засунуть свои принципы туда откуда ты их достал и сделать вид, что ты ещё не давал ответа на мой вопрос. Так, когда ты готов приступить к работе?

– Карпенко, ты слуховой аппарат себе купи или пусть тебе его лизоблюды твои подарят. Угрожать мне не нужно, выглядит нелепо. В твоём цирке не смешно, а от клоунов пахнет мочой и нафталином. Мы с Ириной уходим, зря потратил время. – Я резко встал и показал жене жестом – собираться.

Карпенко и не думал останавливаться и заканчивать конфликт. – Кто сказал, что это угрозы? Скоро ощутишь, хлебнёшь сполна. Справки о тебе навели, знаем где трудоустроен, один звонок и тебя уже завтра выпрут с работы. Долго меня помнить будешь! В магазине за твёрдые принципы хлеб не продают, будешь в переходе мелочь стрелять, можешь уже бежать, метрополитен ещё работает! – Я стоял к нему спиной, а он орал мне вслед. – Если он прямо сейчас не заткнётся, то я его ударю и...уже не смогу остановиться. – Пронеслось у меня в голове. Затыкаться он и не думал, эту тварь откровенно понесло.

– Хотя погоди, Олег, кто оплатит стол? Я угощаю только друзей, так что изволь расплатиться по счёту с официантом! Иначе... совсем некрасиво получается, пожрал на халяву, нагрубил интеллигентным людям и ушёл.

– Да откуда у этого проходимца деньги, Геннадий Павлович? Для него сытно поесть уже событие! – хорьковидная гиена опять подала голос, вынырнув откуда – то из-под мышки Карпенко.

– Ха-ха, Дениска, точно подметил! – осклабился Карпенко. – Ну, в качестве исключения, могу и я оплатить, если жена нашего несостоявшегося историка проводит меня до туалета. Сношать такую замухрышку конечно не стану, а от хорошего минетика не откажусь. Пора при-
выкать вам с женой за еду работать! Кстати, я даже знаю, что твоя Ирина стоит в очереди на бесплатное ЭКО. Скажи, Олег, ты сам ей ребёнка сделать не можешь или у вас, у нищелюбов, фишка такая – своих баб оплодотворять, как кобыл и коров, шприцем? Я вот думаю, что такие совки вообще плодиться не должны, их ещё в роддоме надо пуповиной душить...

К моменту, когда Карпенко выплюнул последнюю фразу, а сидящие вокруг существа стали с повизгиванием хохотать, у меня упала планка и опустилось забрало...

В этот момент стало абсолютно не важно, что я не помню, когда дрался в последний раз, для человека моей профессии и образа жизни, потасовки редкое явление. Стало не важно, что их много, а я один, хотя уверен – большинство из этих существ раньше вообще не дрались, а только получали по лицу резиновым членом, а некоторые, вероятно, и настоящим.

В такой момент, когда трогают за живое, любой кто не забыл, что он мужчина, активизирует в себе режим – «убивать», остальное доделает состояние аффекта.

Первым, что попало под руку была тяжёлая тарелка с паштетом или чем – то другим, я кинул её, как метатель дисков запускает снаряд. Карпенко всё ещё смеялся, когда запущенная мной со стола тарелка своим ребром врезалась ему в переносицу. Слышал, как она разбилась, упав под стол, видел, как из разбитого носа на рубашку Карпенко хлынула кровь. Остановли-
ваться нельзя, только начал...

Чучело, что до этого сидело со мной рядом, попыталось встать и возмущённо потянуло ко мне руки, что было сил дал ему локтем в лицо и он сполз обратно на стульчик. Успел отме-
тить, что расквашенные губы, гримаса боли и всхлипы были ему к лицу. Хорёк – гиена момен-
тально понял, что дело пахнет керосином и сам, без помощи, стал залезать под стол. Пришлось вслепую допинывать его своими дешёвыми китайскими туфлями, ориентируясь только по его крикам на удачные попадания.

Когда добрался до Карпенко, тот даже не пытался сопротивляться, он лихорадочно искал на столе салфетки, чтобы вытереть стекающую по роже кровь. Не стал смотреть на его мучения, а рванул спинку стула под ним на бок и перевернул, Карпенко вместе со стулом упал на пол.

– Жену мою хотел, падаль?!?! – заорал я, поднял стул за ножки и с силой ударил им валяющегося Гену. Целил в пах, но кажется попал по тучному пузу. Но всё равно, его мычание и истеричные крики гламурных проституток, за столом, ласкали слух. Остальные женоподоб-
ные «просвещённые интеллигенты» даже не дёрнулись, замерли словно прибитые гвоздями к своим местам. Так и думал, слабаки.

Хорошо, что охрана не стала вмешиваться, видимо решили не лезть в «гендерные раз-
борки» дорогих и денежных гостей. Ещё на входе в ресторан отметил, что выглядят профес-
сионально и солидно, статус заведения обязывает. Если бы они влезли, то я бы быстро уехал отсюда в отделение, опозоренный и без сатисфакции.

Продолжить веселье и дальше пинать этих скунсов мне не дала жена, буквально за рукав вытащив меня из ресторана.

– Что это было, Ясенков?!?! Что ты натворил!!! – кричала она и тащила меня в сторону стоящего у тротуара такси.

– Собеседование пошло не по плану. – сказал я, садясь в машину, мыслями всё ещё находясь где – то в Венеции, среди гондол и гондольеров...

Глава 2

Ярость и адреналиновый мандраж начали спадать уже в такси. Домой зашёл спокойный, с улыбкой и чувством выполненного долга. На смену возбуждению и ярости пришло удовлетворение.

Не хотелось думать о последствиях, о том, что будет завтра – послезавтра. Не сказать, что чувствовал себя тигриным львом и героем, но пока наливал на кухне кофе, память сама ставила на повтор и прокручивала в голове наиболее смачные моменты потасовки, а голоса и всхлипы этих подлецов всё ещё звучали в ушах.

Заново проживал в своей голове это «весёлое застолье» и совсем забыл про жену. Она не из тех женщин, о которых легко забыть, умеет быть заметной. Где Ира? Почему молчит, почему не эмоционирует? Она вообще домой зашла?

– Ира! – крикнул я на всю квартиру.

– Не ори, и так тошно. – было мне ответом. Свою женщину я нашёл в гостиной, в тот момент, когда она подкуривала вторую сигарету от окурка первой. У нас не принято курить в квартире, тем более в комнате, но я поймал на себе такой холодный взгляд, что сам, невольно, потянулся в пачку за сигаретой, а нутро обожгло чувство – а моя ли это женщина? Ира на меня демонстративно не смотрела, уставилась в стену и пускала кольцами дым, а я не знал, что ей сказать.

– Да, Олег, лучше молчи... Покури, послушай. Твой бенефис я сегодня посмотрела... Как считаешь, хорошо выступил?

– Думаю вполне, на все деньги, Ир...

– Да ни черта ты не думаешь! – рявкнула она так, что с моей сигареты сдуло пепел и он упал на ковёр. – Ясенков, я поражаюсь, у тебя природный дар спускать жизнь в унитаз? Только начало казаться, что всё налаживается, появилась слабая надежда, что ты на четвёртом десятке лет наконец – то повзрослел. Стала мечтать, что машину в этом году поменяем, планы на летний отдых строила... Дура!

Да какие с тобой могут быть совместные планы! Едва, за долгое время, перед тобой открыли дверь в мир удачливых, успешных, состоявшихся людей и ты тут же её захлопнул! Да ещё как... грубо, примитивно. Мне было стыдно за тебя, Ясенков! Этим вечером я в полной мере прочувствовала смысл фразы – «испанский стыд». Просто сидела и обтекала, готова была под землю провалиться, глядя на тебя! Мне не забыть немой вопрос и страх в глазах этих людей. Ты вёл себя, как быдло!

– погоди, а что мне нужно было делать? Слушать оскорбления и терпеть?! Да там каждого второго можно было гасить, не ошибёшься...

– Не перебивай меня! Гордость видите ли у него проснулась! Олежа, когда такие люди принимают тебя в свой круг, то нужно выключать гордость и включать мозги.

– Мне вкус тыквенного латте не понравился, Ир, вот меня и накрыло...

– Не паясничай, как клоун, не смешно! Перья он распустил! Посмотрим, как ты запоёшь если выяснится, что они побои сняли и заявление накатали. Думаешь ты один такой принципиальный? А если они решат тебя не только рублём и работой наказать и не спустят на тормозах, а пойдут до конца? Вот тогда и посмотрим где твой павлиний хвост...

– Да не сгущай краски. Когда мы уходили из ресторана, в зале играла «Обстановка по – кайфу», а синяки тональником и пудрой замажут, им не в первой. Какие, к чёрту, побои? Ни одна кость не задета, я только по филлерам и ботоксу попадал... – по привычке нёс ахинею, пытался сгладить углы, в надежде, что быстро остынет и упрёки не перерастут в скандал.

– О боже, с кем я разговариваю? Ты непроходимый дундук! Вечный мечтатель, с пустыми карманами.

– Обижаясь, в одном кармане член, а из другого гордость сегодня выпала, очень для них некстати.

– Вот только метафоры, Ясенков, у тебя и остались. Ты неисправим, просто я как дура, этого не понимала. Десять лет! Десять лет... прожитых не с тем человеком. Другие мужики к чему – то стремятся, к чему – то реальному. Копят на квартиру, берут ипотеки, чтобы метраж побольше был, хотят больше зарабатывать, дом построить, карьеру. Ты к чему стремишься, Ясенков? На что ты тратишь своё и моё время, а? Жил всегда одним днём! Я долго терпела, ждала, когда же Олег себя найдёт?! Так и не дождалась.

Вот скажи мне, что ты после себя оставишь? Статьи свои? Рассуждения на сайтах, которые в любой момент могут закрыться, а вместе с ними исчезнут и твои статьи, будто их и не было никогда? Проснись, Олежа, та война давно закончилась! Про неё есть дело только тебе, да государству, когда нужно подогреть электорат и создать в обществе патриотический угар! Скоро и государству не до того будет, понасущней проблемы есть. Нормальные люди живут реальными проблемами, занимаются семьёй, близкими, а не копаются в прошлом. Если и читают подобное, то так, как беллетристику, в качестве хобби, чтобы было о чём с друзьями потрепаться в пятницу за кружкой пива. Никто так близко к сердцу это не воспринимает, вид только делают, когда нужно.

Лучше бы книжки писал детские и то полезней было бы. Может заработал бы чего.

– Если бы ты чаще следила за современной литературой и тем, что издадут для детей, а не ходила постоянно на ногти и шоколадное обёртывание, то ты бы заметила, что детская литература сейчас нерентабельна. Не я решил, что не детей нужно воспитывать и просвещать, а деньги зарабатывать. Другие мужики, у которых в жизни главное – погоня за новыми машинами и квартирами с метражом побольше, устанавливают приоритеты. Они решили, что незачем создавать и распространять что – то новое, если можно продолжать эксплуатировать стихи Михалкова, Маршака и Барто. Потому и дальше сидят на шее у старых персонажей, ведь Незнайка и Чебурашка с Геной, ещё дышат...

– А ну да, ну да, Олежек, вокруг же одни мелочные рвачи и спекулянты, не все такие благородные бессребреники, как ты! Прости меня, пожалуйста, что за внешним видом следила, красивой для тебя хотела быть, а не изучала книжные тенденции. Уел, просто переиграл и уничтожил, нечего сказать. Кто тебе не давал стать новым Носовым и Успенским? Критикуешь? Предлагай! Как говорится...

Я не кошка, Олег, у меня не девять жизней, а только одна! Извини, не готова её всю положить на тебя и на несбыточные надежды, что твой труд, когда – то окупится. Я не декабристка и меня совсем не греет мысль, что живу с непризнанным гением или альтруистом, который делает полезное дело. Я – просто баба и мне нужен – просто мужик. Пусть он будет не начитан, исторически не подкован, а любимым его телеканалом будет «ТНТ», но сам он будет твёрдо стоять на ногах, будет по земле ходить, а не витать в облаках. Мне будет плевать какой у него «ай кью», если увижу, что делает меня счастливой!

После её эмоционального монолога стало обидно, едва ли не сильнее, чем в ресторане. Хотелось ответить в том же ключе, обвинить в неблагодарности, в предательстве, чувстве ножа, воткнутого в спину, а потом... Потом понял, что ничего к ней не чувствую и уже давно её потерял. Я уже не муж, а она не жена, просто сожители... Спор она ведёт не о любви, а о сорвавшейся сделке, жалеет о сгоревших, не окупившихся инвестициях, которыми были годы, потраченные на бесперспективный, не доходный актив. Я говорил спокойно, не смотрел на неё, не хотелось...

– Ира, я даже спорить не буду, уговаривать тоже. Ты видела за кого выходила, глупо ждать кардинальных перемен от сформировавшегося человека. Мы никогда не голодали, хватало на всё необходимое, и мне казалось было время, когда жили душа в душу. Казалось...

Я не вписался в рынок и никогда не стремился вписываться. Родители мои тоже не вписались, после развала Союза. Воспитывали меня на других идеалах, другое в меня вкладывали, с тем и живу. Для тебя моё воспитание и взгляды выглядят не актуально, наивно. Пусть так. Не понятно тогда, какого человека ты полюбила десять лет назад, ведь другим я никогда не был. Знаешь, иногда мне кажется, что гражданская война в нашей стране никогда не закончится, если даже спустя десять лет совместной жизни всплывает такой конфликт убеждений и приходит понимание, что линия фронта проходит даже в квартире...

– Совсем шизанулся, Ясенков? Ты просто Гик, повёрнутый на войне и лентяй, не прячь свою суть за ширмой «правильного воспитания». Родителей сюда не приплетай, «не вписались в рынок они», может потому так рано и умерли, ведь «правильно воспитанный» сынок не смог им обеспечить передовую дорогостоящую медицину и счастливую старость. В общем, давай заканчивать, спать хочу... Утром соберу вещи на первое время и поеду к маме, в течение месяца съеду полностью. С разводом и деталями позже решим, как взрослые люди. Надеюсь, твоё отличное воспитание не позволит тебе устраивать мне сцены, давить на жалость и делать прочие манипуляции?

– А что, раньше был в таком замечен?

– Нет, не был. Просто, Олег, хочу верить, что разойдёмся тихо и цивилизованно.

– Тихо и цивилизованно, Ир, бывает, когда все эмоции окончательно умерли. У нас, похоже, именно так. Давай спать...

Глава 3

Ира проснулась рано, собрала «тревожный чемоданчик» и уехала к матери. Пока она собиралась, прикидывался, что ещё сплю, не хотел этого неловкого молчания и ещё более неловкого прощания.

Позвонил на работу, сказался больным, предупредил, что до понедельника точно не выйду. Потом решу, взять эти дни в счёт отпуска или без содержания, задним числом. Плевать, что горит план и ворох дел. На работу «не стояло», вообще не на что «не стояло». Хотелось пить и кого – то ненавидеть.

В первый день одиночества решил ненавидеть Иру. Ненавидел за предательство, за то, что в ней ошибался, ненавидел за то, что разлюбил. Когда в бутылке осталась половина виски, отключил телефон, чтобы алкоголь не стал писать за меня чушь ей в мессенджер.

На второй день решил ненавидеть себя. Ненавидел за то, что отпустил жену, ненавидел за то, что поехал на эту встречу и вообще показал ей это чёртово письмо. Ненавидел за то, что действительно жил одним днём, считая, что стабильная синица в руках лучше вечной потребительской гонки. Не нашёл для нас другой альтернативы, полностью ушёл в себя, в свои интересы и не заметил, как моя синица утонула в болоте застоявшейся жизни.

К вечеру, устал пить и ненавидеть, уснул.

На третий день стал замечать, как тихо и пусто стало в квартире. Включил телефон, сразу полетели смс о куче непринятых вызовов за эти два дня, все с незнакомых номеров и один с работы, от Миши – начальника отдела.

Мише пришло сообщение, что я в сети и он перезвонил.

– Привет, Олег, как сам?

– Да ничего, вроде оклемался. В понедельник выйду.

– Да ты погодь, Олега, не торопись выходить. Тут такое дело... – по тону я уже стал подозревать в какую плоскость перейдёт разговор. Миша не тот человек, что будет просто так мямлить и мяться.

– Миша, не тяни, говори – как есть.

– Звонили тут, по поводу тебя, а потом и приезжали. Думаю, уже сам понимаешь кто...

– Догадываюсь.

– Они скинули коммерческому директору видео с твоими подвигами, в ресторане.

– Ну и что сказал Анатольевич? Премию выпишет?

– Насчёт премии не знаю, Олег, но Анатольевич был... мягко скажем, не в восторге.

Ещё из полиции звонили, интересовались, чуть ли не характеристику просили на тебя дать. Узнавали живёшь ли ты по адресу прописки и прочее.

– Давай к сути, Миш, сам понимаешь, разговор не из приятных, чего мусолить...

– До генерального пока информация не дошла, коммерческий хочет на своём уровне разобраться. Короче, решают по тебе. Ты ценный кадр, бесспорно, но сам понимаешь... Они за репутацию трясутся и не хотят, чтобы подобные инциденты где – то всплывали и так проблем куча. Коммерческий боится, что могут в прессе прополоскать и лишний раз выставить контору в неблагоприятном свете. Я буду рубиться за тебя, Олег, ты не думай, свои пять копеек вставлю, но сам знаешь, ключевое слово здесь за Анатольевичем. Ты пока не мозоль глаза, возьми пару недель в счёт отпуска, может оно как – то само уляжется.

– Не уляжется.

– Ну мало ли...

– Ладно, Миш, не напрягайся, я тебя услышал. Позвони, когда приехать, заявление написать и трудовую забрать. Конец связи. – Он попытался ещё, что – то сказать, хотел оправдаться

или приободрить, не стал его слушать, отключился. Забавно, юлит и подбирает слова он, а стыдно за него мне.

Хорошо, допустим, не блефовал Карпенко и теперь я безработный. Поживу на кредитку, пока ишу новую работу. Что с полицией? Было бы всё серьёзно, за мной бы уже приехали и вытащили из квартиры. Все эти вопросы про прописку, так, ради проформы. Мне один приятель, действующий сотрудник, недавно показывал программу, называется «Глаз Бога» или как – то так, в этом приложении для служебного пользования есть вся информация, от медицинских и кредитных карт и выписок из ЖЭУ, до сим – карт, которые оформлялись на меня, когда в институте ещё учился. При желании очень оперативно можно получить нужную информацию почти о ком угодно. Раз до сих пор меня не навели на дому, значит всё терпимо.

Даже при самых скверных раскладах, максимум – условка. Никого не убил, тяжких телесных не нанёс, ранее не судим. Спасибо Ире, вовремя меня увела оттуда. Крови только попьют, само собой. На «мировое» не пойдут, заявление не заберут. Да и ладно, потаскают к следаку, потом суд... Ничего смертельного, переживу.

Репутацию мне не испортить, у меня её нет, в глобальном медийном мире я – никто. Про старую работу можно забыть, там уже приняли решение от меня избавиться, а все эти Мишины звонки, так, танцы с бубном, из приличия. Пока идут разборки с Карпенко и его обиженными друзьями, найду для трудоустройства менее распиаренную контору, не такую привередливую, с голоду не умру. На это у меня будет время, теперь у меня его навалом...

Время, его всегда не хватает, а теперь оно в избытке. И вдруг, понимаешь, что не знаешь, как им распорядиться, что с ним делать? Жизнь современного человека часто напоминает квест, каждый день выполняешь список обязательных, а иногда и не очень, дел: с утра на работу, прорваться через пробки, потом утренний кофе, перекур и болтовня с коллегами, настройка на рабочий лад. До вечера выполняешь список рабочих задач, которые сам или начальство расставило по приоритетности. После работы заехать за женой, потом в магазин, домашние дела, короткий отдых, сон. Если в семье есть любимое чадо или несколько, то список ежедневных задач увеличивается. Как правило, мечты и лучшая жизнь откладываются – на завтра, на потом, и так по кругу.

Сейчас я выпал из этого круга, и обнаружил, что не знаю, как с этим существовать. Настолько привык и забыл, как это – жить одному, жить для себя, ориентируясь только на свои желания и цели. Женатые люди, ставшие резко холостыми, не по своему волевому решению, а по стечению обстоятельств, думаю меня поймут. Теперь в квартире тихо и пусто. Работы меня тоже лишили, в неё не уйти.

Почувствовал себя наркоманом, что слез с иглы и порвал круг общения с такими же наркоманами, или как заключенный, что после долгой отсидки вышел на волю и думает, как украсть и получить новый срок, боясь и не зная, что с этой волей делать дальше?

Вот и я слез с иглы каждодневной рутинной работы, с иглы брака и потребительской гонки. У меня был своеобразный «синдром отмены», меня ломало, срочно была нужна доза семьи и работы.

Нет, я не утверждаю, что брак – это плохо или семья – это ярмо и кабала. Семья – это замечательно, когда люди в ней счастливы, знают куда и к чему вместе идут. У нас с женой последние годы было явно не так. Теперь я выпал из социума и привычной картины моего мира. Хоть Ира и говорила, что мои личные интересы тормозили наш семейный поезд и в итоге загнали его в тупик, на самом деле восемьдесят пять процентов своего времени я тратил на неё и работу. Двигался в направлении заданных ей векторов, теперь этих векторов не стало.

Спасение и отдушину решил найти в своей страсти, в деле, в котором видел свой путь и на которое всегда не хватало времени. Буду продолжать писать о войне.

Всегда считал, что у каждого человека, тем более у мужчины, должна быть своя сверхцель – миссия, если можно так сказать. Не просто мечта с конкретными показателями дости-

жения и конечной точкой, по достижению которой не знаешь зачем дальше жить. Нет, нужно нечто большее и бесконечное, то что недостижимо, как совершенство. Нужно любимое дело, которое даёт постоянную самореализацию и желательно несёт пользу и благо кому – то ещё.

Как тот, кто занимается строительством, не только ради денег, не может сказать, что построил последний дом и всё – строить больше нечего, или тот, кто занимается космонавтикой, не скажет, что вселенная закончилась, лететь больше некуда, так и я, никогда не буду считать, что о самой страшной и масштабной войне в истории человечества уже всё написано и сказано.

Я решил продолжать, тем более, в файлах ноутбука осталось ещё много неопубликованного материала и аналитических статей.

Включил ноут, хотел опубликовать работу о боевых действиях и последующем освобождении советскими войсками города Ковель в июле 1944-го, но обнаружил, что на мой канал на «Дзене» повесили бан. Новые статьи на нём никто, кроме автора, больше не увидит.

Написал в службу поддержки данной площадки и получил шаблонный ответ, с огромным перечнем возможных нарушений правил ресурса, которые привели к последующей блокировке канала. Истинную причину, разумеется, не озвучили, а списали всё на автоматический бот – алгоритм. Указали, что заявку на повторную проверку канала и снятие бана, могу подать не ранее чем через две недели.

Было досадно, но не стал заморачиваться, привык к тому, что ресурс всегда был капризным и на его адекватность рассчитывать не приходилось.

Ситуация усугубилась, когда заглянул в свою электронную почту и увидел письма с двух других онлайн – площадок, где регулярно размещал свои работы. В одном письме были те же размытые формулировки, пояснения о том, что вынуждены временно приостановить со мной сотрудничество, так как в моих статьях они заметили чрезмерную ангажированность, призывы к тому, что не совпадает с политикой ресурса, чей главный принцип – абсолютная беспристрастность и сухое безэмоциональное освещение фактов. Они очень надеются на моё понимание и уважение их позиции, и я могу продолжать высылать свои материалы им в «предложку», и если они когда-нибудь пройдут модерацию (никогда), то будут размещены на их сайте.

Второе письмо было более честным и лаконичным.

«Уважаемый, Олег Иванович, с сожалением вынуждены сообщить о прекращении сотрудничества с вами, как с автором и публицистом. Согласно правилам ресурса (п.3.7. договора – оферты), администрация, в одностороннем порядке, вправе ограничить автора в публикациях, без указания причин.

Считаем необходимым, обратить ваше внимание на то, что попытки публикации материалов под другим аккаунтом или чужим именем будут установлены, а такой аккаунт будет забанен».

С уважением, Администрация.

Дочитал письма и всё стало ясно. «Культура отмены», значит... Карпенко со своими крысами дотянулись везде куда смогли и перекрыли мне кислород. Подняли связи среди админов и хозяев площадок, а возможно часть подобных ресурсов – вообще их аффилированные конторы. Ладно, уже не важно. Что делать дальше? Писать в стол?

Так получилось, что мои метания были не долгими, всё решил случай и письмо старого нациста...

Глава 4

С большим трудом погасил в себе гнев от несправедливости и раздражение. Слишком много на меня навалилось за эти дни. Нельзя гнать коней и делать глупости. Не сторонник пассивности, но похоже сейчас тот случай, когда подойдёт универсальное средство русского человека от переживаний – «русский авось». Проблемам нужно дать остыть и отлежаться, авось как – то устаканится. Возможно, ответ и решение как выйти из ситуации сами придут.

Чтобы отвлечься и дать себе время, начал работать над вопросом, которым давно планировал заняться. Так вышло, что я «сапожник без сапог», плотно занимаясь темой войны, так и не смог пролить свет на некоторые белые пятна в фронтовой биографии моего прадеда Ясенкова Фёдора Абросимовича.

Он не погиб и не пропал без вести. Фёдор был призван в действующую армию в сорок втором, уже взрослым тридцатилетним мужиком, на фронте с сорок третьего, победу встретил весной сорок пятого в Восточной Пруссии. Умер в девяносто пятом.

Прадеда я успел застать живым, видел пару раз, когда отец брал меня с собой в деревню, навестить родню. Разумеется, я был так мал, что до войны и прошлого «деды Феди» мне тогда не было дела. Его смерть тоже прошла как – то мимо меня и не отложилась в памяти. На похороны ездил только отец. Помню, что привёз, на память, орден «Отечественной войны» II степени, что выдавался уже в поздние советские годы на излёте Союза, как юбилейный. Другие награды – «За отвагу», «Красную звезду» и ворох юбилейных медалей, разобрала многочисленная деревенская родня.

Вместе с орденом отец привёз и пачку чёрно – белых фотографий, большинство из послевоенной жизни прадеда и семьи. Только на двух фотокарточках он был в форме. На одной – лихой и моложавый в сдвинутой набекрень пилотке, а на гимнастёрке медаль «За отвагу» и орден «Красной звезды», фото студийное, возможно было сделано после Победы где – то в Пруссии.

Второе фото, судя по всему, снято осенью или зимой сорок четвертого. На снимке прадед вместе с однополчанами сидит на лавочке возле деревянного дома, на всех шинели и шапки, на рукаве заметна нашивка с чёрным ромбом, в середине которого скрещенные орудийные стволы – характерный отличительный знак частей ИПТАП (истребительно – противотанковый полк), те самые про которых говорили «прощай Родина».

Когда я перешёл в более сознательный возраст, все мои попытки восстановить фронтовое прошлое «деды Феди» не увенчались успехом. Родственники ничего не знали о том, как и где он воевал.

Прадед был человеком неразговорчивым, о войне особо ничего не рассказывал, так иногда, за рюмкой парой слов с мужиками перекинется и всё. Тогда вообще было не принято трепаться, работать надо, отстраивать страну.

Рядовым участникам некогда было анализировать, да и не хотели, тяжело. Каждый справлялся сам со своей войной, проживал её внутри себя. Делали это по-разному: кто пил, кто каждую ночь «ходил в атаку», другие пытались просто забыть и работать, но не у всех получалось.

Война, так или иначе, прокатилась по каждому двору. Все служили, работали на победу в тылу, провожали на фронт близких. Страна и люди пережили кошмар, хотели построить лучшую мирную жизнь, смотреть вперёд, жить за себя и того парня, что не вернулся с фронта.

Столкнувшись с полным отсутствием информации, я оставил этот вопрос. Тогда, в конце девяностых, подростку было трудно найти нужные сведения. Позже, появились такие федеральные ресурсы и базы документов, как «Подвиг народа», можно было с чего – то начинать.

Мне удалось найти наградные листы, приказы о награждении прадеда медалью «За отвагу» и орденом «Красной звезды». Благодаря этим документам узнал, что прадед служил

рядовым телефонистом взвода управления 439-го полка 1 ОИПТАБР РГК (1-ой истребительно-противотанковой артиллерийской бригады Резерва Главного Командования).

Боевое крещение принял в июле сорок третьего на северном фланге Курской дуги. «За отвагу» награждён за бои в районе села Самодуровка (сейчас село Игишево в Поньровском районе Курской области). Зная наименование части, я легко установил её боевой путь, которым она шла к весне сорок пятого. После оборонительной фазы Курской битвы, бригада в ходе Орловской наступательной операции участвовала в прорыве обороны Вермахта под Брянском в районе Комаричи, в составе наступающих частей вышла к Днепру и форсировала его, закрепившись на плацдарме.

Летом сорок четвертого, в ходе «Багратиона» путь ведёт бригаду через Белоруссию. Бои за Гомель, Калинковичи, Барановичи, Столбцы, Слуцк, выход к Бресту и государственной границе. В сентябре – октябре сорок четвертого в Польше, на рубеже реки Нарев, бригада попадает под жёсткие контратаки немца, который пытается танковым катком скинуть советские части в реку, но дивизии и приданная в усиление к частям 1-ая бригада ИПТАБ удержали «Наревский плацдарм».

В ходе этих боёв, по данным наградного листа и приказа, «деда Федя» совершает несколько десятков рейдов на деревянной лодке с правого на левый и с левого на правый берег, под постоянными налётами Люфтваффе и арт – минометным огнём, чиня порывы, а где – то и заново прокладывая линию, чтобы дать штабу бригады связь с батареями полка на плацдарме.

Дальше были тяжелые бои в Восточной Пруссии, взятие штурмом Штеттина (сейчас польский Щецин), где прадед и встретил капитуляцию Рейха. Другой бы на этом и успокоился, но не я...

Восстанавливал подробности боевых действий бригады, собирал информацию по крупницам. Читал сохранившиеся журналы боевых действий, приказы, донесения, воспоминания очевидцев, смотрел карты. Был в Зеленограде, в школьном музее, посвященном 1-ой ИПТАП, открытом в советское время ветеранами бригады.

Если за период с осени сорок третьего по конец войны, в целом, был удовлетворён тем, что удалось найти и на основе этих данных выстроил довольно подробную картину боевых действий бригады, то самые первые бои под Курском вызвали вопросы.

Больше всего меня интересовали подробности участия бригады в боях у Самодуровки в июле сорок третьего, хотел узнать про тот ад, пройдя который прадед получил «За отвагу». Данные сильно различались и их было не много.

Широко известно, что бои на северном фланге Курского выступа шли на рубеже Поньри – Ольховатка – Тёплое, об который с пятого по десятое июля билась головой и умывалась кровью группировка Вальтера Моделя. Село Самодуровка было одним из ключевых звеньев на этом рубеже.

Нет смысла подробно пересказывать всем известную хронику событий. В советской историографии, по умолчанию, участок обороны Константина Рокоссовского на северном фланге считается успешным, образцовым. Как правило, наиболее подробно разбирают ход боёв за Поньри, а потом резко перескакивают на Воронежский фронт, туда где события развивались драматичней, там действовала группировка под командованием Эриха Манштейна и таранила советскую оборону вторым танковым корпусом СС под командованием Пауля Хауссера.

Далее, всё традиционно сводится к Прохоровке и пятой танковой армии Павла Ротмистрова. На этом тему оборонительной фазы сражения сворачивают и переходят к наступательным действиям наших войск. Говорю об общепринятом освещении событий, не беру в расчёт труды историков, кто подробно разобрал ход сражения и отдельные эпизоды.

Не так давно, стали чуть шире освещать ту мясорубку, что была в районе Соборовского поля и Самодуровки, но нужных мне данных и документов больше не появилось.

Известно, что после торжественного митинга 6 мая 1943 года на станции Ильино, полки бригады отправились в распоряжение командующего артиллерией Центрально фронта. 13 мая разгрузились на станции Красная Заря Орловской области, и, совершив 150-километровый марш своим ходом, бригада 15 мая заняла боевой порядок во второй полосе обороны в районе станции Золотухино Курской области, составив противотанковый резерв фронта. Бригада была подчинена и действовала в интересах 70-ой армии генерала Ивана Васильевича Галанина.

Армия Галанина – армия элитная, случайных людей там не было, практически полностью состояла из дивизий войск НКВД, пограничников и внутренних войск, потому так и сражалась, неуступчиво, твёрдо.

Не исключаю, что именно поэтому, в девяностые, про них было написано так незаслуженно мало, ведь для конъюнктурщиков это была «армия вертухаев».

Самое жуткое в полосе обороны 70-ой армии творилось с 5 по 10 июля, там первую скрипку играл 19-ый танковый корпус, а среди артиллеристов 3-ий ИПТАП, что каждый день выбивал танки Вермахта и умирал сам.

Про бои, что вели батареи 3-го истребительного артиллерийского полка написано довольно подробно, особенно про первую батарею капитана Игишева (в чью честь позже переименовали село Самодуровка). Георгий Игишев – фундаментальный мужик и даже если половина из описания действий капитана и его людей в те дни – приукрашено, то всё равно они – Боги войны.

К 11 июля в полосе 70-ой армии, в районе Самодуровки, всё было печально, позиции свои удержали, а нацисты харкали кровью, вот только 19-ый танковый корпус за эти дни сгорел и почти весь личный состав 3-го ИПТАП героически погиб, а орудия были раздавлены немецкими танками. Никто тогда ещё не знал, что у Моделя дела шли не лучше, его солдаты и техника были на пределе, немцы выдохлись и так давить, как в предыдущие дни, уже не могли.

В этой ситуации советское командование в срочном порядке перебрасывает к Самодуровке части 162-ой стрелковой дивизии и 1-ую ИПТАП, в которой служил связистом «деда Федя». Вот здесь, сразу и возникают вопросы.

Во всех источниках, очень скупо и размыто, указано, что артиллеристы 1-ой истребительной бригады с 11-го по 12-ое июля отражают несколько танковых атак, подбивают 6 тяжелых танков (2 из которых типа «Тигр», тогда «Т-IV» тоже считались за тяжелые) и порядка 15-ти средних машин. Вот только подробностей тех сражений практически нигде нет.

Далее указано, что немцы после 12-го июля вообще активных боевых действий на данном направлении не предпринимали, но судя по наградным листам бригады, очень много бойцов и командиров были награждены за бои, которые проходили в районе Самодуровки в промежутке между 12 и 15 июля.

В обзоре боёв частей 70-ой армии за 15-ое июля красочно описаны только действия 162-ой стрелковой дивизии, в частности бой за высоту у Самодуровки, который вёл взвод лейтенанта Александра Романовского из 224-го Памирского полка (по факту, бой вёл не полноценный взвод, а 18 человек – два неполных стрелковых отделения), парни выступили профессионально и красиво, задачу выполнили, но сами, все до одного, легли на этой высоте.

Романовский – красавчик и его бойцы герои, но что делать с «дедом Федей»? Где найти подробности? Не найдя ничего нового в наших источниках, начал копать немецкие.

Немцев читать не любил. Воспоминания офицеров высшего звена и генералитета, практически всегда, бесполезны, ничего нового. Сокрушаются об «утерянных победах», костерят дилетанта Гитлера, который всегда везде лез и мешал воевать. Самое интересное, что пока блицкриг работал и всё шло чётко, то Адольф был адекватен, а как только отлаженная арийская машина буксанула в СССР, так сразу Адольф у них отупел, а они не при чём.

В своих мемуарах каждый немецкий генерал, разумеется, выиграл все свои сражения, а потом, начиная 1943-го года, они все стратегически грамотно выравняли линию фронта до самого Берлина, пока не просрали всю войну. Такое себе чтиво.

Вот документы, что составлялись по горячим следам, журналы боевых действий – другое дело. С документами у «Гансов», почти до самого конца войны, был полный порядок. Ну если не обращать внимания на их хитрые особенности по учёту «безвозвратно» потерянной техники, особенно касается танков и авиации. Те, кто в теме, знают, что немцы в свои потери записывали только ту технику, что разлетелась на заклёпки и атомы, а ту, что была подбита и по факту выведена на долго из боя, не учитывали. Очень специфическая арифметика, лицемерная. Отсюда и растут ноги мифа о том, что Вермахт воевал малой кровью и с мизерными потерями в материальной части.

Начал мониторить нишевые сайты и форумы по Курскому сражению, бывало, что именно на таких ресурсах всплывали интересные сведения. Обитатели таких площадок – это энтузиасты, копатели – любители и профи, а также люди ищущие сведения о своих погибших или пропавших без вести предках. Там же, в разделе «аукцион» появлялись: трофейные армейские и дивизионные карты боевых действий того времени, с пометками и расположением частей, фотоснимки, а порой и целые фотоальбомы с аутентичными подписями, с указанием места и времени снимка. В основном фото были сделаны немецкими солдатами и ротами пропаганды Вермахта.

Давно не секрет, что немец пришёл на нашу землю с винтовкой «Маузер» на плече и фотоаппаратом «Лейка». Серьезной войны не ожидалось, предполагалась поездка «на сафари», быстрая победа и массовое уничтожение советских «аборигенов», с поиском удачных ракурсов, в процессе», и снимками на память.

Не редко на таких сайтах стали появляться и отсканированные стенограммы допросов советских военнопленных, как взятых в ходе боя, так и перебежчиков. К сожалению, далеко не все были такими, как генерал Карбышев. Хватало тех, кто только попав на первичный допрос, подробно выдавал все расклады, начиная от ситуации с боеприпасами и провизией в части, заканчивая моральным состоянием личного состава, количеством политруков и комсостава, указывая их пофамильно.

В основном, такие стенограммы с приложенным переводом на русский, размещали равнодушные к теме эмигранты, осевшие в Германии на рубеже восьмидесятых – девяностых. Всё чаще, интерес к истории, поиск единомышленников и тоска по Родине, тянули их в русскоязычный интернет.

Бывало, выкладывали книги, мемуары, воспоминания нацистов и сателлитов Рейха, которые у нас не издавались или были опубликованы в укороченном варианте.

В ветке форума, посвященному июлю сорок третьего под Курском, я наткнулся на один из таких переводов – кусок воспоминаний старого нациста по имени Людвиг Бирхофф. Человек, выложивший данный текст, сообщил, что стащил его на немецком форуме, посвященном второй мировой.

То, что я прочитал и увидел в этом отрывке сильно отличалось от того к чему привык, к чему был готов...

Отрывок назывался: *«Два дня под Курском Людвиг Бирхоффа»* или *«Panzer gehen in den Arsch»* (*«Танки идут в задницу»*).

«Забавно, что спустя больше семи десятков лет многих из моих ровесников уже разбил «Паркинсон» на половину с артритом, старческим геморроем, простатитом и другими «подарками» старости.

Они уже все чёртовы маразматика, живущие в пряничном домике своего безумия, они всё забыли, им едва хватает ума на то, чтобы переключить

автоматическую коробку передач на своей электронной кресло – каталке, постараться не пронести ложку мимо рта и не навалить в штаны.

Хотя, многим уже и эта задача не по плечу, те кто раньше таскал на себе МГ, ящики и подсумки с патронами, теперь носят памперсы для взрослых и дни напролёт смотрят невидящими глазами ток – шоу и телемагазин по немецкому ТВ.

А вот у меня, наоборот, я всё помню. О да, всё! С каждым годом мои воспоминания становятся свежее и ярче.

Когда был молодым и зрелым, хотел забыть, купировать, выкинуть, сжечь все эти воспоминания, чтобы мой травмированный войной мозг не улетел вместе с черепной коробкой в пучину безумия или я сам бы его не вышиб свинцовой пулей.

Вы думаете после войны в Германии было мало психов? Да полно! Кто выжил, но не смирился с поражением, те свихнулись. Других, заставляла жить работа и долг прокормить свои семьи.

Война забрала мою семью, но не дала ничего взамен, ни карьеры, ни образования. После школы сразу Вермахт, нам ведь говорили, что после войны мы будем наравне с Богами, а зачем «юным Богам» специальность, зачем им профессия? За нас всё будут делать другие.

И вот я – «юный Бог» проиграл свою войну, вместо положенного мне пантеона, я смотрел на руины и могилы. Ждал, когда мне нальёт половник гуманитарной похлебки, какой-нибудь белозубый янки. Я так не мог, я так не хотел.

Чтобы принять такой исход мне нужно было сначала забыть всё, забыть кем я был и что делал. Я спасался дешевой польской водкой и морфием.

О да, в то время, когда многие мужчины в Западной Германии готовы были убиты или пахать часами за буханку хлеба, а женщины за банку мясных консервов или мармелада раздвинуть ноги перед англичанином, французом или американцем, я находил на черном рынке морфий.

Благо, что у меня было некое добро, которое прикарманил после войны и мог его выгодно сбывать или обменивать на ампулы, дарующие облегчение и амнезию. Они были моей душевной анестезией.

А вот теперь, когда мне уже пора думать и выбирать какой обивкой будет окантован мой гроб и кто придет на мои похороны, всё вдруг стало возвращаться.

Иногда просыпаясь, я ищу возле изголовья, возле своей подушки мой «Штальхельм» (имеет ввиду штатный армейский шлем Вермахта «М-40»), а мою талию будто вновь опоясывает и скрипит свежей кожей ремень, пальцы снова хотят провести по пряжке и найти рифлёные и до боли знакомые слова «С нами Бог».

Я опять слышу окрики команд, надсадный смех моих камрадов. Я снова вдыхаю ноздрями дым пожарниц и слышу лязг гусениц, вой мин и щелчки пуль. Моему плечу снова не хватает отдачи от «Маузера 98к», а моему носу не хватает щекоцущего запаха пороха. Я понимаю, всё, что хотел забыть вернулось, оно не отпустит, эта ноша со мной до конца. Лишь один плюс. Я стал многое понимать, стал многое переосмысливать, то что не мог понять в силу юного возраста или просто не хотел, стало открываться по-другому.

Пока ты молод и у тебя всё получается, ты отсекаешь всё ненужное, лишние мысли, как обуза. Слышали, как говорил фюрер? «Совесть – это химера и её нужно гнать от себя прочь», так и я гнал прочь от себя лишние мысли.

Моя голова по самую макушку была забита нордическим и другим псевдоокультурным дерьмом, которое было мне опорой, когда в теории нацистской партии зияли логические дыры.

После войны я стал морфинистом, стал зависимым наркоманом, но я слушаю, если не скажу, что наркоманом я был и на войне. О да, я был в экстазе от самой войны, я на неё рвался. Получил осколок во Франции и пулю в Югославии, но выжил и даже не стал калекой, я уверовал в свою неуязвимость. Поверил в то, что избранные немецкие солдаты, несущие в мир великую миссию и наш новый порядок, не могут просто так лечь в могилу. Тогда я не знал, что ещё как могут, виденные мной смерти фронтовых друзей воспринимались, как случайность, недоразумение.

Наркомания и сумасшествие начались уже на войне. Мало кто знает, что сама война – это тоже наркотик.

Мой папаша, рассказывал, что когда он, после Первой мировой, состоял во Фрайкоре ([HEM](#). Freikorps – свободный корпус, добровольческий корпус), то старший офицер, руководивший их Фрайкором любил трахать в кабинете секретаршу, которая вела кадровое делопроизводство под звуки военных маршей орущих из патефона. Только слыша тяжёлые духовые инструменты и грозные величественные мотивы, его червяк вставал.

В раннем юношестве я считал, что это не более чем скабрёзная байка моего папаша, которую он травил после пары выпитых рюмок, но попав на настоящую войну я понял о чём он говорил, я понял того офицера из Фрайкора.

Мы все были бандой психов, получавших удовольствие от войны, просто у каждого оно было своим. Невозможно даже под страхом смерти заставить такую массу людей воевать одну военную кампанию за другой, если они не получают от войны хоть капельку наслаждения.

В древности, великий Аттила мотивировал своих гуннов перед очередным штурмом вражеского города, тем что город падёт к их ногам, город будет отдан им на разграбление, они смогут набрать рабов, кому сколько нужно и утолить свою похоть с помощью местных жёницин.

У нас тоже был свой стимул – наша безнаказанность.

Всё к нашим услугам! Хочешь Париж и Монмартр? Да, пожалуйста! Хочешь ноги польки или французенки на своих плечах? Да ради Бога! Бери солдат, всё твоё! Адольф выписал тебе индульгенцию, а Вермахт купил кругосветную путевку по всему миру, начни с Европы и Африки, а потом и весь мир будет у твоих ног.

Мне не нужны были никакие стимуляторы, чтобы воевать месяцами напролёт, я заряжался от самой войны. У меня был здоровый сон, зверский аппетит и крепкое либидо. Всё это было у меня именно на войне. Я чувствовал себя великолепно. Подобного со мной не случалось, ни до, ни после.

Вы почитайте про наших летчиков Люфтваффе, никакой «Первитин» и прочая фармакологическая химия не в состоянии заставить человека столько сидеть за штурвалом и летать без усталости.

Просто парни любили небо и войну, их стимулятором был охотничий азарт. Так и мы, могли пройти без усталости маршем сутки, чтобы взять очередной город во имя Великой Германии, Фюрера и собственного тщеславия, ради нашего эго.

Мы были сумасшедшими, мы были одержимыми, ещё чуть-чуть и побегала бы пена, как у бешенных собак. Что делают с бешеными псами? Правильно, их пристреливают.

Всеми приходит конец. Иногда даже безумцы со временем осознают, что они не здоровы. Для нас этим осознанием в итоге стал восточный фронт, но не сразу, позже...

«Холодный – отрезвляющий души», для многих, случился в ноябре – декабре сорок первого, когда пребывание на фронте каждый час становилось бесперспективной игрой на выживание, но мне и тогда повезло.

За несколько недель до начала настоящей мясорубки я попал в госпиталь с дизентерией, меня спасла моя фляжка, которую я наполнил водой из грязного ручья. Пока мои братья по оружию дошли как мухи в ледяном безмолвии Восточного фронта, я не слезал с горшка и мучился от спазмов в животе.

Прямо в госпитале я написал ходатайство о переводе в дивизию «Гросдойчланд», которая должна была вот – вот стать полноценным панцегренадерским соединением.

Учитывая отличную характеристику, учитывая мою выслугу лет, пусть и небольшую, но проведенную на фронте, моё участие в трех военных кампаниях, награды и великолепную характеристику, которую написал лейтенант из моей части, моё ходатайство удовлетворили, и я был зачислен в запас дивизии «Великая Германия».

Я был сначала направлен на курсы переподготовки для младших унтер-офицеров в Бад-Тельце, а после получения звания ефрейтора вошел в состав «Гросдойчланд», которая находилась на переформировке.

Я несказанно радовался попаданию в элитную часть и своему неожиданному повышению, я наивно полагал, что там «наверху» оценили мои заслуги и рвение по достоинству и решили таким образом меня отметить, но нет, как я скоро узнал, всё обстояло гораздо прозаичнее, просто во время недавних боёв в дивизии катастрофически сократился не только рядовой личный состав, но и выбило почти всех унтеров. Дивизия нуждалась в свежем мясе.

Раньше я делил людей и наци на львов и баранов, одним дано править и устанавливать порядок, а другим подчиняться или уступить место более сильному в пищевой цепочке эволюции, но летом 1943 года мой мир окончательно перевернулся...

Я понял, что на самом деле над львами и баранами сидят крысы. Пока львы гибнут на поле боя и убивают друг друга ими как баранами руководят крысы, которые сидят наверху и забивают нам головы своими идеологиями.

Я помню тот день, я помню того русского, он... его лицо ещё несколько лет после войны приходило ко мне в кошмарах, его истеричный крик на ломанном немецком... я не придавал его словам значения до недавнего времени.

Начало июля, духота, чад и гарь, запах машинного и оружейного масла, бензин, яркое солнце, ярко красная кровь. сейчас это всё всплывает

ассоциациями, накатывает как волнами, но тот бой я помню, как будто он был вчера.

Мы пытались прорваться к Курску с севера и отсечь русских от тылов, для осуществления замысла нужно было взять эту проклятую деревню, «Самохвалка или Самодурка», как-то так, я не помню, как называлась эта проклятая деревня, но знаю, что там легло три роты.

Я помню почти поименно всех из своего взвода, я хоть сейчас могу пройти с закрытыми глазами по этой деревне и знаю каждый метр местности по памяти, но не могу вспомнить названия. Парадоксы мозга.

Я многое повидал на войне, но там было настоящее взаимное истребление, бескомпромиссное, антирациональное. Там дрались львы против львов, там не было трусов, были лучшие войны этой земли, с двух сторон, которые беспощадно убивали друг друга. Сами не понимая зачем и за что...

Как тут не употреблять морфий, если я помню в деталях, каждую минуту того боя. Того ужасного месива. Нам говорили идти за броней танков и всё будет хорошо, но танки с каждой минутой собирали и притягивали к себе всё больше и больше огня, одни рвались на минах по другим били из всего что только можно.

Русские стреляли даже пустыми болванками, чтобы видимо оглушить наших танкистов. Одна из таких болванок отрекошетилась от башни нашего танка и оторвала ногу выше колена моему приятелю Мартину Хамману, едва только он успел с визгом упасть, как по нему проехал ещё один идущий следом танк... Танкисты были в состоянии шока, они оглохли и не видели ничего, они просто старались как можно быстрее вывести свои машины из-под огня и любой ценой ворваться в проклятую деревню.

Я видел то чего не увидишь даже в кино, я видел полнейший хаос, творившийся в небе и на земле. Когда мы ворвались в деревню, над головой, словно тучи, кружили самолеты, они как оси впились друг в друга, жалили и кусали. Я видел, как наш горящий «Мессеримитт» камнем упал на деревянный дом, набитый русскими и превращенный ими в огневую точку. Этот дом не давал нам двигаться дальше, я радовался, что таким образом удалось его заткнуть и мне в тот момент было плевать на нашего погибшего летчика. Слишком много войск, слишком много людей, такая плотность для маленькой деревни.

Русский зенитный пулемет, который представлял из себя спаренные пулеметы на треноге, выкашивал взвод подчистую и появившийся на наше счастье «Панцер IV» мы восприняли как спасение, но только он нащупал своим дулом русскую зенитку, как ему в борт врезался непонятно откуда взявшийся танк русских.

Этот русский танк мы подорвали магнитной миной, и он загорелся как вязанка дров. Пламя с него быстро перекинулось на наш танк, который не мог сдать назад и был объят с русской машиной мертвым клинцем.

То, что я видел, возможно только в безумном сне. К исходу дня мы занимали одну половину деревни, а русские другую. У нас не было сил атаковать и взять деревню полностью, а у них не было сил контратаковать и отбросить нас из деревни.

Я бежал по проулкам среди горящих домов и пытался собрать остатки своего взвода, те жалкие крохи, что ещё остались и могли держать в руках оружие. Когда я перепрыгивал через очередной труп, моя нога зацепилась

и в сумерках я упал на грудь окровавленных тел. Едва я попытался снова вскочить на ноги, как моё горло сжали чьи-то пальцы...

Это был русский, у него изо рта текла кровь и капала мне на лицо, зрачки его бешено вращались, он умирал, он был в агонии, лицо его исказила дикая гримаса боли и безумия.

Но самое ужасное, он знал язык...он мог говорить по-немецки. Сначала он кричал мне...Sag es allen!!! Es wird nie Frieden geben!!!! («Скажи всем!!! Никогда не будет покоя!!!»).

Он хватал меня за горло своими скользкими окровавленными руками и орал, кровавая пена пузырилась у него на губах, он был словно дьявол, не лицо, а маска смерти...

Потом он закашлялся, отпустил меня, встал на колени, окинул взглядом пространство, а я лежал как парализованный и смотрел на эту готескную фигуру войны. Он скорчил очередную гримасу и сказал вопросительно: Du bist dafür gekommen? («Ты за этим пришёл?»).

Не стал слушать дальше, оцепенение моё прошло, я боялся этого Ивана, я выстрелил в него, действовал из страха, действовал на рефлексе. Он упал. Тогда мне казалось, что это просто бред умирающего, который по случайности знал немецкий язык. Но теперь, спустя годы, я понимаю, что убил его тогда, потому что боялся, что он снова заговорит. Ведь он был прав! Разве за этим мы пришли?

Пришли, чтобы устроить эту бойню? Пришли чтобы убивать и умирать? Я до конца не понял, что я должен был сказать всем, но насчёт покоя он был прав. Мне и таким как я, всем тем, кто прожил эту войну, даже спустя десятилетия, нет покоя. Наши дела, сотворенное нами, не даёт покоя миллионам людей, тем кто родился после войны, тем кто ещё не родился. Мы лишили покоя целые страны, нации и поколения. Мы убивали не только людей. Мы убили само понятие человечности в те дни и лишили этот мир покоя на десятилетия...»

Глава 5

Не питал иллюзий насчёт этого старого нациста, не верил ни в какое запоздалое прозрение. Наоборот, отметил, что пик эмоций в его послании приходится как на воспоминания о молодости, ностальгии по ощущению отдачи от винтовки и чувству азарта охотника, ищущего жертву. Образ «хорошего немца» выглядит убедительно только для наших киношников, но не для меня.

Нетипичной была его прямота, он не юлил, не нёс шаблонные фразы немецких ветеранов, в стиле – «мы были просто солдаты и выполняли приказ, а вешали, стреляли – СС и Гестапо». Нет, этот прямо сказал, что пелена бешенства спала и начался отходняк, когда всё чаще пришлось собирать своих камрадов по кускам на поле боя. Голова включилась и сильно захотелось жить.

Прежде всего, заинтересовала его феноменальная память и упоминание Самодуровки в рассказе. Если у немецкого деда всё так хорошо с памятью, как он утверждает, то возможно внесёт ясность по неизвестным мне событиям в период с 11 по 15 июля 1943 года?

Опять же, несостыковки – этот Людвиг Бирхофф говорит, что был переведён в дивизию «Великая Германия», но во время Курской битвы данная дивизия действовала в составе 48-го танкового корпуса, пытаясь наступать на Обоянь и вела бои против Воронежского фронта генерала Ватутина.

Может старый наци что – то путает и имеет ввиду другой населённый пункт? Хотя, не помню, чтобы на южном фланге Курского сражения были созвучные названия. Надо разбираться.

Для начала, вообще выяснить, как давно были написаны эти воспоминания? Не исключено, что «гуляют» по интернету много лет, кочуют с сайта на сайт и переводятся на разные языки. Просто мне ранее они не встречались.

Даже если воспоминания относительно свежие, то каковы шансы, что этот солдат Гитлера ещё жив и его не накрыла деменция?

Списался с Павлом – форумчанином, выложившим воспоминания Бирхоффа. Он заверил меня, что является завсегдатом немецкого исторического форума, который преимущественно состоит из пенсионеров Бундесвера, а также немецких «детей войны», чьё детство прошло под музыку нацистских маршей, речей Геббельса, а площадками для их игр были – развалины немецких городов, оставшиеся после ковровых бомбардировок союзников.

Паша производил впечатление – серьезного, взрослого мужика, вроде не похожего на трепло. В молодости служил в Западной группе советских войск, дислоцированных в ГДР. Демобилизовался перед развалом Союза, осел в Германии, сейчас живёт и работает в Вердере, иногда мотается по работе в Москву, помогает в ликвидации – сворачивании филиала их фирмы в России. Скинул мне ссылку на этот форум, чтобы я сам мог посмотреть и убедиться. Убеждаться особо было не в чем, ворох сообщений, прикрепленных документов от разных пользователей и всё на немецком, в котором я не силен, в институте и на курсах занимался английским.

Ещё он написал, что сообщения от старого нациста стали регулярно появляться на форуме около двух лет назад, сейчас тоже бывают, но реже. Людвиг Бирхофф – реальный человек и довольно бодрый, для своих лет, проживает Дортмунде. Сказал, что даже видел его собственными глазами, когда год назад ездил с семьей на выходные в Берлин.

Из Пашиного рассказа следовало, что после того как он сделал свои дела и потаскал семью по столичным магазинам, решил, в качестве разнообразия, порадовать домочадцев экскурсией на теплоходе по реке Хафель, с остановками у местных достопримечательностей.

Когда причаляли рядом с музеем – цитаделью Шпандау и пошли прогуляться, то на территории парка, прилегающего к крепости, стали свидетелями слёта потомков одиозных нацистов и немецких ветеранов, среди которых был Бирхофф.

Про встречу и свои наблюдения на этот счёт Паша написал довольно подробно. Сказал, что данное мероприятие проводилось, хоть и без помпы, но носило полуофициальный характер, участники особо не стеснялись. Возможно, было приурочено к какой – то значимой для них дате.

Непосредственно военных ветеранов было немного, в основном – люди помоложе, как ему удалось понять, на встрече присутствовали внуки Альберта Шпеера и родственники Карла Габерштока – скупщика художественных и культурных ценностей, а попросту – барыги, приближенного к бонзам Третьего Рейха, сделавшего себе состояние на перепродаже ценностей, украденных и вывезенных немцами с оккупированных территорий.

Если это правда, то логика в том есть. Рядом с цитаделью находилась знаменитая тюрьма – Шпандау, в которой как раз отбывал срок Альберт Шпеер и которую снесли после смерти последнего заключенного – Рудольфа Гесса в 1987 году. После своей отсидки и выхода на свободу, по некоторым данным, Шпеер продолжал общение с Габерштоком, у которого ещё в время войны покупал краденные предметы живописи для своей коллекции картин.

Ладно, даже если всё написанное Павлом – правда, даже если на самом деле есть такой недобитый нацист по имени Людвиг Бирхофф, всё равно ничего не понимаю...

Бирхофф утверждает, что начал воевать с 1939-го года, с первой военной кампании Вермахта в Польше, тогда получается, при любом раскладе, ему сейчас более ста лет. Я конечно не умаляю возможностей немецкой медицины, фармакологии и здорового образа жизни, но всему есть предел. Ну не могу я представить, чтобы столетний дед сидел в интернете и травил там свои военные байки.

Могу поверить в то, что это делает кто – то из его родственников, выкладывая ранее не опубликованные воспоминания предка, возможно вообще за именем реального человека прячется великовозрастный немецкий школьник. Увлёкшись тематикой, сидит на форуме и выкладывает свои графоманские грёзы про фронтовые подвиги предков – палачей.

Все воспоминания немцев – фронтовиков, из тех, что читал, написаны давно. Относительно свежие были опубликованы уже другими людьми – немецкими историками, журналистами. Как правило, специально приезжая к уже немощным и едва соображающим немецким старикам, журналисты брали у них интервью, снимали на камеру, писали на диктофон и после литературной обработки, публиковали воспоминания в тематических сборниках. У нас делают примерно также, взять хотя бы сайт «Я помню» или серию книг Артёма Дробкина.

Здесь тоже всё просто, уверен – нет никакой загадки... Или всё – таки есть?

Всё же, вопрос с этим Бирхоффом меня зацепил, помимо исторического интереса, проснулось банальное любопытство, как ребёнок, что хочет поймать за руку фокусника и узнать в чём секрет, так и я хотел подтвердить свои догадки.

Снова написал Павлу, спросил – смог бы он перевести на немецкий моё письмо для этого Людвигу Бирхоффа? Хотел написать этому немцу не просто короткое сообщение, а обстоятельное письмо, в котором планировал задать свои вопросы. Понимал, что скорее всего немец проигнорирует, не ответит. Ну а, вдруг? В любом случае, буду считать игнор – доказательством того, что за Бирхоффа на форуме пишет кто – то другой и эта ниточка, по июльским событиям сорок третьего под Самодуровкой, для меня оборвалась, продолжу искать в другом месте.

Подготовил письмо для Бирхоффа, стал ждать ответ. Паша не отвечал в течение нескольких часов, пожалел, что не спросил его номер телефона, мог бы тогда позвонить или написать в мессенджер. Подождал до вечера, проверил электронную почту, ответа так и не было. Может занят и ему не до меня? Кто я такой, чтобы нагружать едва знакомого человека и просить об услугах?

Всё понимал, но ждать не хотелось, был ещё один вариант – бывший одноклассник и друг детства Дима Кочетков.

В школе были – не разлей вода, в институтские годы тоже плотно общались, правда круги общения у нас были разные, он занимался немецким, окончил педагогический, а потом несколько лет преподавал детям в школе иностранный язык. Уволился по причине разногласий с директором и надолго, как и я, оказался выброшен на обочину жизни, не мог себя найти, пока не решил взяться и продолжить отцовское дело – кузовной авторемонт. Его отец, по состоянию здоровья, уже не мог заниматься и тащить на себе дела маленького автосервиса, и всем занялся Дима.

В юности, в качестве подработки на лето, мы с ним часто пропадали в шараш – монтажке его бати. Крутили гайки, постигали азы кузовного ремонта, зарабатывали себе на карманные деньги. Нам даже иногда давали шпаклевать, покрывать лаком и красить не очень дорогие машины, которые загоняли в сервис, чтобы «подкрасить губы» и навести марафет для последующей перепродажи.

Отец ещё тогда предлагал Диме пойти дальше по этой стезе, заниматься семейным делом. Тогда Диме было это не интересно, а теперь пришлось.

Он хотел заниматься с детьми, учить, но не срослось. Зато сейчас у него есть полный комплект состоявшегося современного мужчины: жена, сын – школьник, ипотека, автокредит, ИП, налоговая. А у меня, что есть? У меня только война и немцы...

Решил набрать его номер. Как бы там ни было, немецкий он знал, а значит сможет помочь с письмом, да и просто хотелось отвлечься, хотелось поговорить.

– Привет Дим...

– Здорово, Олеган, сколько зим...

– Слушай, Дима, буду краток, не хочу трепаться не о чём, а потом, как у нас это обычно бывает, договориться «пересечься как-нибудь на днях», пообещать «быть на звонке» и попрощаться. Сейчас нужна твоя помощь, есть небольшое дело, по телефону долго объяснять! Не волнуйся, ничего экстремального от тебя не понадобится, так, пустяки. Ещё... нужна моральная поддержка. Так что скажи сразу, свободен сейчас? Нормально будет если заеду к тебе на часок – другой?

– Да не вопрос, Олеган, приезжай... – сказал Дима растерянно – Случилось то что?

– Да так... Ира собрала вещи и ушла. Насовсем...

– Ясно... Значит надо спасать пацана. Возьми пенного или чего покрепче и пригоняй. – голос стал более бодрым, понял, что никто не умер, не буду просить денег на пересадку почки и прочее, а хочу просто поплакаться за жизнь, проще говоря – пустяки, дело житейское – жена ушла.

Когда пиво было выпито и в ход пошла «тяжёлая артиллерия», в виде бутылки армянского, а темы про уход Иры, потерю работы, суд и перспективы условного срока были перетёрты вдоль и поперёк, я поднял тему с этим чёртовым немцем и письмом, которое нужно было перевести на язык Ницше и Канта.

Надеялся, что Дима легко согласится и быстро переведёт, конечно после того как протрезвеет. Но он заартачился.

– Всё никак, Олега, не уймёшься? Не, ну я всё понимаю, увлечение, все дела...но тебе сколько лет? Если забыл, так паспорт открой, посмотри. Все мы играли в солдатиков, но твоя игра шибко затянулась. Нельзя же так загоняться, замени чем – то. Попробуй, как нормальные люди, ну не знаю...вруби приставку, в танки поиграй, побегай в шутеры военные, кино про войну посмотри.

– Не хочу кино, не снимают ничего. Один сплошной театр абсурда с ряженными Петрушками, с мылом, да «библейскими историями». Тошнит. Издевательство над победой, а не память...

– Ну книги, Олеган, почитай...

– Всё что было хорошее – уже прочитано. Всё остальное – либо сознательный плевок, скачка на костях и искажение прошлого, либо – приключение и игра в зарницу с вечными «попаданцами» из серии: споткнулся, упал – очнулся в окопе где – то под Вязьмой, пошёл в туалет – попал в бункер к Гитлеру, ударило током – пришёл в себя в горящем танке. Ну ты понял...

– Ну знаешь, тогда у меня для тебя плохие новости, братан... Такими темпами – жена не вернётся, да и не разбогатеешь...

– Да не из – за этого она ушла, Дим! Лишь отчасти... Использовала как причину. Неполная у нас семья, исчерпали свой ресурс, был бы ребёнок...

– Хочешь, могу вам своего отдать.

– Чего так?

– Не могу общий язык найти, задолбал! Учиться не хочет – одни двойки, да тройки. Спортом тоже не хочет заниматься, футбол бросил! Говорит – в этом депрессивном городе у футболиста нет перспектив, да и вообще, без выхода в еврокубки футбол в стране загниётся и умрёт. Не хочет он, видишь ли, в собственном соку вариться. Кем хочет быть тоже не знает, куда после школы поступать – без понятия. Денег только хочет, только пока не знает где их взять, кроме как у папы с мамой.

– Ну а чего ты собственно ждал? Все последние годы подрастающему поколению, и нам с тобой тоже, вбивали, что нет никаких жизненных ориентиров и целей, кроме денег и личного финансового благополучия. Воспитывали идеальных потребителей. Никаких других направлений и вводных не давали. Только показывали наглядно, что с деньгами везде жить хорошо, а что ещё помимо денег Родину надо любить – не объясняли. Они не понимают за, что любить свою Родину, а просто любить, по определению, не умеют. Вот такие у них сейчас цели, такие стремления. Примеры для подражания тоже соответствуют. Так что не удивляйся, что хотят денег и хотят любой ценой, почти любой, желательно попроще.

Ведь легче стать интернет – фриком и жить на донаты, чем работать. Можно стать блогером – коллаборантом, ничего не создавать, не менять в лучшую сторону, получать бабло и гранты за то, что ты против всего в своей стране. У кого совсем, в силу возраста и отсутствия воспитания, с мозгами плохо, тому вообще чужой дядя в телеграмме денежку пообещает и отправит жечь военкоматы и пускать под откос поезда. Им не важно, что кто – то погибнет, не важен ущерб нанесённый стране, главное – денег дадут.

– Работать надо с молодежью, Олег.

– Давно уже было надо. У них со взрослыми то не очень пока выходит. Кстати, вот и займись, вернись в школу, преподавай и рассказывай крохам – что такое хорошо и плохо.

– Нет, уже проходили. Не хочу гроши получать и снова смотреть, что такое современная школа. И так, благодаря сыночке, имею счастье каждый день наблюдать.

– Что не так со школой? У меня нет сына, просвети...

– Олеган, нет давно тех школ, в которых нас учили по ещё советским учебникам и учителей тех – старой закалки тоже нет. Кто состарился, кого выжили. Я всё это застал, когда ещё сам работал. Сейчас по незатякающемуся родительскому чату в «Вайбере» и постоянным сообщениям от классной, вижу, что из учителей давно сделали «эффективных менеджеров», которые чтобы получить побольше часов и как – то выжить – ведут по два – три классных руководства. Им совершенно на детей до – лампочки, они выгорают, главное для них – выполнение планов и задач, спущенных сверху завучем, директором и районным управлением образования. Тут уж не до отношения с душой и творческого индивидуального подхода к ребенку. Лишь бы план закрыть, да отчитаться. Работают только те, кто может выдержать такой темп.

– Не знаю, Дим, если всё так паршиво, как говоришь, то сам держи руку на пульсе и занимайся чаще ребёнком. Этого никто не отменял. Нельзя всё отдавать на откуп системе,

иначе это как перетягивание каната, между государством и родителями. А потом что? Будем друг друга обвинять? Государство будет говорить – это вы сами таких детей дома воспитали, а мы будем им говорить – это вы из системы образования сделали фабрику по производству бездушных меркантилов? Кто – то должен начать, Дима, пока совсем не поздно. Ведь те, кто вырастут, будут строить новую систему образования и вести страну дальше. Так что займись тем на что можешь повлиять, начни с дома.

– Было бы всё так просто, если бы не работали с женой по двенадцать часов в сутки.

– Найди время, Дим, найди...

– Разберёмся. А ты, что будешь делать, «Макаренко»? Как жену планируешь возвращать?

– Никак. Думаю, может вообще контракт подписать и поехать туда где могу реально что – то полезное сделать? Что меня здесь держит? Найду работу, отложу денег на экипировку, сгоняю на сборы и вот – я ужу там.

– Умереть торопишься? Когда стрелял в последний раз?

– На срочке.

– Два рожка из АКМ?

– Водили на стрельбище. К чему вопрос?

– Убьют, Олег. Сейчас арта всё решает, снаряд не выбирает на кого упасть, на профи или добровольца. Пополнив статистику потерь – стране не поможешь.

– Ну если так рассуждать, Дима, то совсем у нас всё плохо будет.

– Хм...знаешь, Олеган, а давай вместе рванём, тоже надоело всё...

– Нет уж, сына воспитывай. Пока есть возможность...

– Ты тоже, Олега, не пори горячку, обдумай всё.

– Обдумаю.

– Давай ещё по одной?

– Наливай. Знаешь, у нас с тобой образцовый кухонный разговор вышел, каноничный такой. Успели и за жизнь, и за семью, за политику, и за войну. Что дальше? Будем думать, как нам лучше Россию обустроить или может всё – таки с переводом поможешь?

– Помогу. Давай текст, утром гляну на трезвую голову.

Глава 6

На следующий день, ещё до обеда, Дима прислал текст моего письма, переведённый на немецкий. Сразу отправил его на почту Бирхоффа, ранее указанную Павлом.

Честно, после отправки ничего не ждал. Скорее всего письмо улетит в спам и останется не отвеченным. В лучшем случае – получу отписку. Понимал, что это просто моя блажь, из серии – сделать, чтобы было.

Глупо надеяться получить разумные и содержательные ответы от незнакомого немецкого пенсионера, на вопросы в которых мне не помогли разобраться известные источники и документы.

Тем сильнее было моё удивление, когда вечером на почтовый ящик пришёл ответ. Если бы письмо было формальной отпиской, то справился бы и с помощью онлайн – переводчика, но ответ был весомым и занимал несколько страниц машинописного текста. Попытка перевести его через автоматический переводчик – превратила текст в нечитаемый треш.

Не стал наглеть и надоедать другу с просьбой опять сделать перевод, тем более как раз объявился эмигрант – Павел. На мою просьбу охотно откликнулся, ему было самому интересно почитать, ведь товарищ тоже «повёрнутый на теме».

Паша рассказал, что с момента нашего последнего общения, времени не терял, самого заело любопытство и он решил поискать информацию по этому немцу. Разумеется, в открытых источниках почти ничего по нему не нашёл. По военной биографии – тоже не густо, места службы и участие в тех или иных кампаниях подтвердить не может. Остаётся только верить тому, что Бирхофф сам о себе излагает.

Во время своих беглых изысканий, Паша обнаружил давно заброшенный и непосещаемый американо – европейский сайт, запущенный «кружком фанатов Людвиг Бирхоффа» – оказалось есть и такие.

Правда, не понятно от чего эти граждане фанатели, там информации о самом Бирхоффе с гулькин нос. Если обобщить всю инфу, что есть на сайте, то выходит она по большей части посвящена тому, что Бирхоффа связывают с такими известными, в узких кругах, нацистами, как: Вольфрам Зиверс, Вальтер Вюст, Август Хирт, Рудольф фон Зеботтендорф, Фридрих Хильшер, Конрад Шефер. К последнему, по словам американских пользователей сайта, Бирхофф даже ездил в США, куда Шефер эмигрировал после войны и получил гражданство.

В основном, имелось ввиду больше общение Бирхоффа с потомками и родственниками вышеуказанных немцев, чем с ними лично. Часть названных нацистов умерло сразу после войны, как Зиверс и Хирт, казнённые по приговорам, так называемых, «малых нюрнбергских процессов», другие исчезли при не до конца выясненных обстоятельствах, а Вальтер Вюст и Фридрих Хильшер, переобувшийся под занавес войны в антинациста, спокойно дожили до старости и умерли в девяностые.

Нам с Пашей были знакомы эти фамилии. Все названные были в разное время причастны к деятельности таких структур, как общество «Туле», институт «Аненербе» и менее известное, ещё более овеянное мифами – общество «Врил».

Вместо фоток со сборищ нацистских ветеранов восточного фронта, на сайте было несколько расплывчатых снимков, сделанных ещё в восьмидесятые на холме Мург рядом с Баден-Баденом, на которых запечатлены пожилые нацисты – оккультисты, среди которых, якобы, мелькает и затылок Людвиг Бирхоффа.

В нагрузку, среди прочего, была приведена небольшая справка о сыне Людвиг – Олафе Бирхоффе, который занимает один из руководящих постов в правлении крупнейшего банка Германии – «Deutsche Bank», что по мнению человека, разместившего данные сведения – «очень многое объясняет».

Возможно, если бы нам с Павлом было по 14 лет, то были бы в восторге от предвкушения, от причастности к оккультной тайне нацистов, на пороге которой оказались. Но нет, мы взрослые мужики и ничего кроме кривой усмешки у нас эти новости не вызывали. Привыкли верить тому, что можно увидеть, пощупать в реальном осязаемом мире, а вся эта конспирология нас мало интересовала. Поржали, что если бы сюда ещё приплести выдуманный писателем – диссидентом Климовым, тринадцатый отдел НКВД, то картина бы вообще была полный «ахтунг».

Всю общую информацию об обществах «Туле» и «Аненербе», для общего развития, мы имели, остальное считали лишним. Обычно, в нацистскую мистику сносит тех, кто конкретно за ней и приходит в «тему», либо тех, кто только пришёл или уже «наелся» обычной военной истории. Мы не были ни первыми, ни вторыми, ни третьими. Вся эта туманная поволока таинства и раздувание на сайте темы немецких масонов, ничто иное, как свидетельство отсутствия чёткой информации о личности Бирхоффа. Они не знали о нём ни черта, соответственно и мы тоже.

Ну что же, появилась возможность узнать. Павел приступил к переводу текста на русский, написал, что работа займёт немного времени.

Глава 7

Перед тем как выслать мне готовый текст, Паша написал, что ответ Бирхоффа мне понравится и что даже немного завидует. Попросил не распространяться в последующей переписке с немцем (почему – то был уверен, что такая переписка точно будет) о посреднике и не упоминать, что кроме меня ещё кто – то читал данное письмо.

Не стал уточнять чему он там завидует и почему боится, что упомяну посредника – переводчика. Может опасается, что засудят за нарушение права личной переписки? Кто знает, у живущих там – другой менталитет и свои тараканы в башке. Нам как – то в этом плане проще живётся.

Сделал вид, что всё понял и написал короткое – «Ок». Хотелось быстрее прочесть, что же мне написал старый наци. После ознакомления понял, что данное письмо нужно осмыслить, перекурить и запить кофе. Чем и занялся.

Бирхофф одновременно оправдал и не оправдал мои ожидания. С одной стороны, писал он от своего имени, по ряду деталей, фразам и формулировкам было понятно, что пишет «человек из прошлого», а не мой современник. Необычным был и живой интерес, который он проявил ко мне и заданным мной вопросам.

С другой, утверждал, что из того боя в память врезался лишь описанный им эпизод, с агонизирующим советским солдатом. Немец пообещал, что постарается восстановить в памяти хронологию тех дней и в будущем обязательно напишет, что удалось вспомнить. К плюсам я отнёс, что старик не упускает детали и сам себя поправил, указывает – под Курском воевал в составе 86-й пехотной дивизии, а в «Гросдойчланд» попал в конце июля 1943-го, когда «Великую Германию» ненадолго перебросили с юга в состав группы армий «Центр», чтобы парировать советский удар между Орлом и Брянском и не дать замкнуть кольцо вокруг немецкой группировки в районе Болхова. Такое внимание деталям доказывает – немец помнит где был и что делал.

Бирхофф писал, что много лет после войны состоял в различных ветеранских организациях (назвал более шести наименований), встречался с другими ветеранами, а в Брежневские времена даже пару раз посетил СССР, на мероприятия, приуроченные к памятным датам.

Годами он собирал истории немецких вояк, переживших «мясорубку на востоке», всё записывал хранил и надеялся написать книгу об этой войне. По его словам, материала накопилось на десять таких книг, но по каким – то своим соображениям не было издано ни одной. Он считает – для того, чтобы нынешнее и будущие поколения поняли суть событий и людей, что умирали на восточном фронте, ему не хватает некоторых итоговых заключений. Сейчас, на пороге смерти, он всё ещё не отчаялся и надеется собрать свой незавершенный пазл. Звучало, как старческий маразм, а в его возрасте и не могло быть иначе.

Удивила его осведомлённость, Бирхофф не заикливается на книгах, что выходят на европейском рынке, а читает всё, что появляется из области военной мемуаристики. Даже упомянул относительно свежую книгу – воспоминаний Леонида Рабичева «Война всё спешет», и очень нелестно о ней отозвался. Казалось бы, в этой книге есть всё, что должно понравится немецкому дедушке: красноармейцы – упыри, сотни изнасилованных немцев, страдания «Фатерлянда» ... По сути, должен кивать гривой и говорить – «ja, ja – das war es» («да, да – так и было»), но ему не понравилось.

Пишет, что сейчас ему совсем не с кем общаться на эти темы. Все «динозавры» из бывших солдат Рейха присыпаны землёй и лежат под гранитными плитами, его дети и внуки давно выросли, а правнукам, до той войны нет дела. Не хочет им докучать, показывать, что дедушка поехал головой и на протяжении почти 80 лет так и не может вернуться с фронта.

Надеется, что я «не откажу старому солдату в чести общения с потомком достойных противников, которых он всегда глубоко уважал». Он бы хотел, чтобы я своим «молодым русским взглядом» оценил и обсудил с ним некоторые военные истории из его личного архива. Бирхофф уверен, что меня заинтересует тот уникальный материал, который ему удалось собрать за десятки лет и он поможет в моей исторической публицистике.

В окончании своего послания он указал, что дабы не быть голословным, прикрепляет к письму пару эксклюзивных фронтовых воспоминаний из своего архива, которые он подверг совсем небольшой литературной обработке, чтобы были связны и читаемы, не затронув суть повествования.

Ещё настоятельно просит – впредь писать ему исключительно на русском и не утруждать себя услугами переводчиков. Уверяет, что у него очень широкий круг полезных знакомств и людей готовых помочь ему с переводами. Для моего удобства, обещает все следующие письма высылать на родном для меня языке. То есть – писать ему буду на русском и получать от него ответы – также, на русском. Данная приписка обрадовала и насторожила – будто старик заранее знал какие геморройные заморочки у меня с этими переводами.

Может это иммигрант – Паша всё затеял? Какой – то развод или пранк? Он изначально разместил на нашем форуме текст от Бирхоффа, который попался мне на глаза, он свободно владеет двумя языками. Не верю в совпадения и, по-прежнему, мало верю в столетнего деда, способного связно мыслить и писать письма.

Ладно, смысл гадать, всё тайное становится явным, дальнейшая переписка всё выявит. Позже, можно вывести этого мутного деда на видеозвонок или общение по веб – камере. Чем я рискую? Ничем. Это даже увлекательно, хочу разобраться, где в итоге я оказался прав, а где нет.

Теперь посмотрю, что за истории он мне скинул, почитаю прикрепленные файлы.

Глава 8

В первом, из высланных Бирхоффом, текстовых файлов была история ветерана 3-ей танковой дивизии СС «Тотенкопф» или более известной, как «Мёртвая голова», повествование ведётся от имени некоего Феликса Леманна – шарфюрера и командира штурмового самоходного орудия «StuG III», на момент описываемых событий – июль 1941 года, дивизия ещё носила статус моторизованной, а роты таких штурмовых орудий придавались ей в качестве средств усиления.

Ну посмотрим, что этот Феликс нам расскажет...

«Когда шоль перевалил за свою вторую половину, у нас наконец – то появилось отличное настроение. Последние бои за Порхов и Опочку были очень тяжелыми, нам недоставало выучки и умения, но боевого духа было не занимать. В итоге, именно дух и боевое братство сыграли решающую роль.

Мы ворвались на улицы Опочки и нам сопутствовал успех. Смущали высокие потери, но постепенно мы набирались опыта и казалось скоро сломаем «Ивану» хребет. Лучшие части коммунистов были разбиты, а мы двигались вперед.

Особенно порадовал утренний бой, и поле, которое стало кладбищем для русских танков. Правда, здесь нам пришлось делить лавры с нашими летчиками, которые успели на это пириество раньше, и основную часть наступающей бронетехники русских разнесли в клочья наши пикирующие «Штукас».

Говорят, что им пришлось вылетать три раза, чтобы подарить каждому «Ивану» по бомбе. Но и нам кое-что перепало, когда два наших штурмовых дивизиона прибыли на поле боя, то цели ещё оставались. К обеду, мы с удовлетворением смогли взять белую краску и нарисовать две зарубки на коротком стволе нашей «Гертруды» (видимо имеет ввиду прозвище «самоходки»).

Страшно представить, что бы ждало наших парней, если бы авиация, а потом и мы, не подоспели вовремя. Лёгкие и юркие танки русских, атакующие такой плотной массой, унесли бы много жизней, а противотанковых пушек нашей пехоте по-прежнему не хватает, нам достается старьё и объедки Вермахта. Мы понимали, что если так пойдёт и дальше, то от больших потерь не уйти.

Возможно – это сговор в среде армейских генералов, чтобы убедить фюрера, что мы беспомощные дилетанты и несём неоправданно высокие потери? Может быть поэтому нас плохо снабжают и у наших товарищей ощущается постоянный недокомплект вооружения?

Пусть этот вопрос решают офицеры, наше дело воевать, что я считаю у нас чертовски неплохо получалось.

Мы не успели толком отдохнуть, только в спешке пообедать, как пришёл приказ – двигаться дальше. Чёртова дорога не могла ждать, чёртова дорога звала вперед. У нас даже появилась шутка, что у России две проблемы, первая – в ней слишком много русских, а вторая – это слишком большие расстояния.

Мы думали, что удачно проведенный бой и приподнятое с утра настроение ничего не в силах омрачить, но мы ошибались. Разведка пока не

обещала впереди серьезного сопротивления, мы двигались в походной колонне на пределе возможной скорости, которая давала пыльная дорога. По нашим расчётам, уже было пройдено солидное расстояние, как пришёл приказ – срочно поворачивать назад.

Причем, похоже дело обстояло серьезно, нам продублировали приказ не только с помощью средств радио связи, но и передали приказ при помощи «Шторьха» (разведывательный самолёт).

Оказалось, что ситуация была не только серьезной, но и абсурдной. Все моторизованные части ушли вперёд, даже то небольшое количество артиллерии, которое было, подцепили за буксировочные крюки и утащили вслед наступающим частям.

В итоге, между авангардом наступающих войск, частями второго эшелона и тыловыми частями возникла буферная зона, посредине которой было это кладбище русских танков.

Рота пехоты «Тотенкопф» по каким-то причинам задержалась в Опочке, и когда шла через это поле, то попала под сильный огонь – внезапно оживших русских танков, и сейчас они кромсали наших товарищей.

У роты нет никакого противотанкового оружия, весь запас гранат они израсходовали во время плотных городских боёв, боепитания и пополнения ещё не получали.

Проблема мне виделась дикой, даже если всё было так, как изложено в приказе, то что мешает нашей роте отойти к городу и дожидаться частей второго эшелона, да даже тыловиков, которые должны как раз осматривать подбитую русскую технику и решать, что из этого хлама ещё можно использовать и отбуксировать с поля битвы?

Но видимо, если решили использовать даже самолёт, чтобы сбросить нам приказ, то ближе нас никого в округе не было. Не бросать же наших людей?

Приказы не обсуждают, мы развернули наши машины и направились на вырубку пехоте.

На обратном пути нас постигла небоевая потеря, у одной из наших САУ разбило фрикцион, и она замерла на фоне русского пейзажа. Ремонт в полевых условиях был невозможен, пришлось оставить две наших машины, буквально в поле, на жару (одну поврежденную, а вторую в качестве охраны на случай непредвиденной ситуации). Экипажам были даны инструкции: уйти с жары в тень, но предварительно замаскировать машины.

Нашему раздражению не было предела, когда наконец к вечеру мы доехали до попавшей в переделку роты, то выяснилось, что у них был всего один легко раненный солдат, и вообще, всё уже закончилось.

Эти слюнтяи были вымотаны тяжёлым городским боем и просто решили отдохнуть! Они, видите ли, нуждались в передышке, но был приказ – двигаться дальше, и внезапно оживший русский танк они использовали как предлог.

Я не оговорился, не танки, а именно танк! Из всей кучи подбитой техники, стрелять начал всего лишь один «Микки Маус» (имеется ввиду советский танк «БТ-7», который получил у немцев такое прозвище, за характерный внешний вид, напоминающий уши знаменитого диснеевского персонажа, при открытых баиенных люках).

Танк русских был обездвижен, ходовая часть была заклинена, вращалась только башня, но как говорят, стрелял только один пулемёт, возможно с орудием или снарядами были проблемы.

Данный факт произвел скорее моральный эффект на командира роты и его людей, нежели практический. Рота могла легко обойти этот танк левее или правее на километр, но они почему-то решили ждать подкрепления или наступления сумерек. Но танк сам прекратил огонь гораздо раньше.

Всё было предельно ясно – армейская хитрость. Раздражало то, что мы потеряли время, намотали лишний километраж, а сейчас на дороге стоят два наших экипажа и самоходки, которые мы бросили, спешив на помощь этим жуликам.

Когда командующий ротой офицер понял, что мы раскусили его хитрость и дело пахнет настоящим трибуналом за бесполезную трату ресурсов и времени – он взмолился, чтобы мы не докладывали о его беспочвенном самоуправстве и подтвердили его версию.

Он обещал, что его рота выступит и продолжит путь немедленно, а ещё для подтверждения его слов, в случае проверки, он попросил дать несколько выстрелов по неподвижному русскому танку, якобы мы подоспели его людям на помощь и добились этот русский танк.

Я был зол, но в то же время не хотел, чтобы этот молодой парень – мой ровесник попал под трибунал, а его жизнь и будущее были бы испорчены на долгие годы.

Прежде чем согласиться, мы всё же решили осмотреть этот «Микки Маус», мне было любопытно кто вёл огонь из этого танка и почему перестал, да и вообще русский танкист всё ещё мог прятаться внутри машины.

С мерами предосторожности мы подобралась к танку, два наших экипажа в случае малейшего движения башни русского танка держали его на прицеле и готовы были разнести его на куски, но танк больше не подавал признаков жизни.

Увиденное внутри повергло нас в шок, мы получили ответы на одни вопросы, но возникли другие. Внутри танка было месиво, пробитие было в двух местах – одно сквозное в башне, другое справа в корпусе. Весь экипаж и все внутренности танка разворотило осколками.

Удивительно как ещё не сдетонировал боекомплект? Снарядов было в достатке, визуально – боекомплект был почти не израсходован.

В башне за курсовым пулемётом полусидел – полулежал русский танкист, у него не было обеих ног, возможно один из снарядов прошёл через него.

Было непонятно, как он не умер сразу от болевого шока? Было ясно, что огонь из пулемета вёл именно он, сил и возможности стрелять из орудия и заряжать снаряды у него не было, а стрелять из пулемета видимо ещё были. Он прекратил огонь, когда умер от потери крови.

На моего механика водителя Вилфреда эта картина произвела неизгладимое впечатление, он даже начал заикаться. Он не мог угомониться и всё спрашивал: «Феликс, зачем? Почему он так поступил, Феликс? А мы бы так смогли? Мы бы смогли?»

Мне это надоело, и я его одернул:

«О чём ты? Соберись солдат! Что смогли?»

Он также сбивчиво и заикаясь продолжал засыпать меня вопросами:

– «Ну как этот танкист на такое способен? Почему мы не можем как русские?»

– Вилфред, замолчи, у тебя истерика, ты просто видел ещё мало смертей на этой войне. Я был во Франции, и кое-что повидал, у тебя ещё всё впереди. Что за чушь пришла к тебе в голову? Почему ты решил, что мы так не можем?»

Если нужно, ради дела, то и не так сможем, но дело в том, что нам не нужно. Русские не знают за что воюют, а мы знаем, у нас великая цель и миссия. Уясни это раз и навсегда. Мы смелее русских, но нам так не нужно, потому что мы уже выиграли эту войну, а это (указал я жестом на русский танк), просто забудь, как дурной сон...»

Позже я вспоминал этот разговор. Оказалось, что когда было нужно, мы так не смогли...

Меньше чем через полгода, после этого разговора, в декабре сорок первого, во время всеобщего отступления, я настоял на том, чтобы бросить три наших САУ и слить всё горючее в две самоходки.

По пути мы видели, как один из наших танков свалился в кювет и забуксовал, но мы бросили танкистов, сказали – ждать помощи от других, отказались брать на буксир, понимая, что дополнительная нагрузка приведёт к перерасходу горючего и мы с такой обузой не выберемся из этого кошмара. Мой экипаж и я хотели выжить любой ценой. Рассудок подсказывал нам, что нужно жить, а не совершать бесполезные подвиги».

Дочитал текст. Ещё одна весточка и напоминание, что война – это не кино «Т-34», с Петровым в главной роли. Та война – это советский танкист, который с оторванными ногами жмёт на гашетку пулемёта, до последнего, до талого, пока из него самого, красными ручьями, вытекает жизнь...

Что он хочет от меня услышать? Какое мнение? Вроде, ответ уже и так содержится в этом отрывке – воспоминании. Этот ССман сам говорит, что они не могли так, не хотели так...

Немцы воевали рационально. Где – то более грамотно, более умело, но такой рационализм не выигрывает глобальных войн на уничтожение. Наши люди знали за какую страну воюют, знали ценности – за которые стоит сражаться. Они шли не за абстрактным понятием – Родина, а за вполне конкретную страну и убеждения. Желание их отстоять – было столь велико, что иной раз было сильнее, данного природой, инстинкта сохранить свою жизнь.

Когда говорят, что не было подвига Гастелло, что Космодемьянская воевала за «булочку и трамвайчик», а Саша Матросов просто споткнулся и упал на дуло немецкого пулемёта, то не учитывают подтвержденные документами весомые истины.

Не учитывают, как выживал Ленинград, когда люди месяцами ели лепёшки из столярного клея и держали рубежи, выходили на работу на ватных ногах, прокладывали «дорогу жизни» по Ладоге. Не учитывают, как эвакуировали промышленность за Урал и дальше, а потом запускали станки, буквально в поле, делали танки, самолёты, а дети своими ручонками собирали снаряды и мины.

То есть, массово каждый мог совершать подвиги, а вот конкретно один человек на подвиг был не способен? Так, что ли получается? Нет, конечно – это бред. Каждый день бойцы, командиры и люди в тылу совершали свои индивидуальные подвиги, которые незаметно превратились в нормальную, рутинную боевую работу.

Интересно, этот Бирхофф видел или слышал, чтобы немцы подрывали себя гранатами во время боя или вызывали огонь на себя? Думаю, что нет. Если бы такое было, то они бы об этом раструбили на весь мир, как трубят о воздушных победах Эриха Хартманна и подбитых танка Отто Кариуса.

Нет, они так не воевали, для немцев – это не рационально. Вот уничтожить сотни тысяч и миллионы мирных жителей, для «освобождения жизненного пространства» – это рационально, а погибнуть, чтобы жили другие – нет. Для них, мы всегда будем непонятным народом и выражаясь словами известной киноклассики, у нас всегда «гранаты не той системы».

Конечно, этот Феликс и его экипаж были в шоке, ведь по их раскладам, этот неизвестный паренёк – танкист и другие советские солдаты должны были умирать от голода, за колючкой, в их лагере где – то под Псковом или быть замороженными до смерти на ледяном ветру, вместе с другими пленными, стоя в открытом железнодорожном вагоне, который на несколько суток отогнали в тупик и оставили там умирать. Потом он, как и другие, должен был быть сброшен в ров, облит бензином и сожжен, а может просто засыпан землей в яме, где – то в поле, которое потом заровняют бульдозером и засеют, чтобы не осталось следов. Но нет, парень так не хотел. Парень ушёл красиво. Ушёл в вечность, непобежденным.

Не знаю, подумаю, как сформулировать свои мысли для этого старого нациста.

Поехали дальше, посмотрю, что ещё за историю он прислал.

Глава 9

Следующая история представляет собой литературную обработку реального случая, который, с его слов, произошёл с Бирхоффом и его сослуживцами, в первой половине 1944-го года на Украине.

Повествование ведётся от лица двух ветеранов восточного фронта Франца и Гельмута – неразлучных друзей Бирхоффа, с которыми он прошёл почти всю войну.

Данный эпизод интересен тем, что в нём солдаты Вермахта пересекаются с зондер – командой карателей. Мало вероятно, что здесь имеется ввиду отморозенная бригада Оскара Дирлевангера, но не суть, и без него в подчинении СС и СД хватало подобных ублюдочных формирований.

Вот собственно и сам текст.

«Весна 1944 г. Украина».

Нашу потрепанную и едва живую дивизию вывели с фронта. Точнее, не всю дивизию, а только два полка, которые, в итоге, свели в один и тот не полного состава.

Остальная часть дивизии всё ещё находилась на фронте, передавала позиции тем, кто прибыл нам на смену. Мы с Францем были счастливицами, мы были уже в тылу, в составе тех, кого вывели.

Я курил третью подряд сигарету, старался забыть чувство голода никотином и просто наслаждался такой непривычной и казавшейся дикой тишиной. Воздух, который не прошивают пули и не сотрясают разрывы был каким-то чужим, словно таил в себе подвох.

Нашу роту расквартировали в деревне Обанино – большая и грязная деревушка, в которой каждый дом был похож один на другой. Жители были явно нам не рады, предпочитая общаться исключительно через своего старосту и полицейских из числа местных.

Франц молчал и ковырял кончиком ножа землю, видимо не зная, как убить время и чем занять руки. На войне мы научились каждый день убивать врагов, но так и не научились убивать время, которое тянулось всегда мучительно долго. Только в отпуске или госпитале оно приобретало свойство лететь с немыслимой скоростью.

Больше чем возможности подкрепиться и набить брюхо, мы ждали баню, мы нормально не мылись уже чёрт знает сколько времени. Я носил с собой в кармане тощий и грязный обмылок, такой же грязный как моё небритое лицо, носил, чтобы не забыть, как вообще выглядит мыло.

На третий год этой войны мы оскотинились. Непрерывные бои не оставляют времени на то, чтобы следить за собой, и многие махнули на это рукой. Личные наборы бритвенных принадлежностей потеряны или выменяны на табак, который всегда в дефиците, в надежде на то что армейский каптёр выдаст новые, а он взял и не выдал...

Сладкие времена подошли к концу, Вермахт теперь не думает о своём солдате и не вытирает ему сопли. Если хочешь что-то получить, нужно это выпросить, выходить, выбить или украсть.

Да и мы уже не похожи на образец для парада, скорее на злых, грязных и голодных окопных крыс. Но сегодня у крыс праздник, сегодня у крыс баня.

Перебрасываясь ленивыми фразами мы с Францем пускали дым в густой и тихий воздух, пока, Франц не ткнул меня в плечо:

– Гельмут, смотри.

Мы увидели, как в деревню, растянувшись как толстая, грязно-желтая гусеница вползает колонна грузовиков. Опытному взгляду было достаточно нескольких секунд, чтобы понять, что это не грузовики Вермахта.

Всего несколько признаков, помимо обозначений на самих машинах – смех, крики и куча барахла, которое вместе с личным составом трясется в кунгах, говорили о том, что это «лесники».

«Лесниками» мы называли тех, кто рыщет по лесам в поисках стоянок диверсионных и партизанских групп повстанцев и якобы прикрывает наши спины.

На деле же, мы считали, что весь этот не знающий армейского устава сброд, которому место в тюрьме или на рудниках, по какой-то неведомой и нелепой ошибке получил в руки оружие, за даром ест паёк и потребляет ресурсы, которых нам так не хватает на фронте.

– Ну, что скажешь, Гельмут? К чему они здесь? Думаешь проедут мимо или дела так плохи, что нас пополнят этими свиньями?

– Пока не знаю, но если ты прав и нам их прислали на пополнение, то считай, что я больше не унтер-офицер, пусть меня разжалуют в рядовые, чем в моём отделении будет это дерьмо. Их можно ещё до боя смело поставить в одну шеренгу и расстрелять.

– Гельмут, может ты слишком суров к ним? Давно не имели с ними дела, возможно они за последнее время чему-то научились? Сейчас всем не сладко, думаю, что и они хлебнули. Нам сейчас любые люди будут не лишними.

– Я реалист, Франц, люди не меняются, на войне они становятся лишь хуже. Если в своей обыденной жизни они воровали, грабили и убивали, не имея на то веских причин, то здесь они делают тоже самое, только в больших и почти бесконтрольных масштабах. Они мародеры и убийцы и это их пожизненное клеймо.

– А мы, Гельмут? Разве мы не убийцы?

– Нас такими сделала война, они же шли на преступления всегда сознательно. Для нас это как наказание, а они к этому стремятся и получают наслаждение.

Пока мы говорили, колонна полностью втянулась в деревню и заняла всю главную, и по сути единственную, сельскую дорогу.

Из кунгов выпрыгивали «лесники», многие были одеты не по уставу, вооружены трофейными винтовками и автоматами, у одного «попугая» была даже сабля.

Франц улыбнулся, глядя на этого франта и сказал:

– Да уж, Гельмут, этому дерьмоёду точно бы не помешал фронт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.